

Игорь Агафонов

Картоотека Пульсара

Роман Повесть Рассказ

Игорь Агафонов

**Картотека Пульсара.
Роман. Повесть. Рассказ**

«Издательские решения»

Агафонов И.

Картотека Пульсара. Роман. Повесть. Рассказ / И. Агафонов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830363-0

Действительность меняется вокруг нас ныне с головокружительной быстротой, и многое вчерашнее начинает восприниматься ретроспективно уже сегодня. Однако проза Игоря Агафонова не только не утрачивает своей значимости, напротив, приобретает лишь добавочный колорит и пронзительно-ностальгическое звучание — возможно, благодаря добротному «материалу» и «наполнителю» — как удавшееся вино с выдержкой обретает тонкий вкусовой букет, располагая к... несуетному осмыслению происходящего...

ISBN 978-5-44-830363-0

© Агафонов И.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Фулюган	7
Картотека Пульсара	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Картотека Пульсара
Роман. Повесть. Рассказ
Игорь Агафонов

© Игорь Агафонов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Нынешний читатель (зритель ещё того скорее) настолько привык к динамичной фабуле, что без неё ему скучно (где же прыг-скок?). Это говорит о том, что ему почему-то стало лень самостоятельно разбираться в существе вопроса и прозревать связи в той плоскости, на которую ему не указали. В этом смысле, получается, самый не ленивый – это сплетник (беззлостный, имеется в виду, и фантазёр, в сущности). Ведь сплетня – что есть такое? Это же виртуозный (если угодно – классический) сюжет. Да, именно, без всяких подсказываний. Надо приложить недюжинное усилие мысли, постараться, чтобы он был правдоподобен и увлекателен, чтобы всё сцеплялось и проворачивалось без скрипа и задоринки-заминки, и чтобы вызвал последующую цепь событий. Однако вот именно это, собственно – сходство со сплетней, – и раздражает автора пуще всего последнее время. Фрагментарный мир кажется ему ныне куда более объективным. Он заставляет человека переключаться с одного на другое, делать те или иные предположения, собственные, заметьте, предположения и предсказания (интуиция подключена, значит), то есть вынуждает эксплуатировать, и, стало быть, – развивать воображение. Вот, скажем, дневник как художественное произведение. Если его автор держит, что называется, нить в зубах, то нанизывает на неё только то, что считает интересным, и читатель идёт вслед за ним, даже не предполагая, что его ведут по вышитой канве. Ведут, а не тащат, – рассчитывая на интеллект и смекалку ведомого – то бишь беря читателя в соавторы. На доверии всё тут построено и симпатии.

Такая работа с материалом автору импонирует гораздо больше, так как требует и от автора и от читателя памяти и скорой, даже моментальной понятливости, чем в расхожем случае, когда предлагается пресловутая глагольная схема типа: «открылась дверь и за ней... зелёный водолей...»

«Дверь» должен открыть сам читающий, после чего догадка или вывод станет его личным открытием...

Автор предполагает сделать несколько книг в таком формате, то есть первая вещь сегодняшняя или вчерашняя, а следом – ретро, написанная за десятилетия до первой. Где-то переработанная, дополненная или, напротив, отредактированная заново, с изъятием лишнего, обременяющего внимание...

Фулюган

Меня как бы кто ведёт по жизни – от одной передрыги до другой. Кому-то – знать бы вот только кому! – именно этот пласт моего существования любопытен. Настолько любопытен, что кашей его не корми – дай поглазеть.

Так вот я, должно быть, и попал сюда – на дачи – из-за этой чьей-то любознательности. Мистика или нет – в тонкости и подробности не вдаюсь. Смысла не вижу. Да и сумею ли глубоко проникнуть, так сказать, в тайну, не мне предназначенную...

Надеюсь, вы понимаете, что трёп мой бескорыстен и безобиден...

Людишки здесь в основном весёлые, неприкаянные, воли жаждущие, полной независимости... Сами-сусами, короче, хотят быть.

Вот, не далеко ходить, преподобный Фулюган! Особь особливая! По-другому и не сказать. Сравнить не с кем. Разве что специально нарисованный для особого случая – для сегодняшней минутки в данной конкретно скудной местности. Больше такого нигде не проживает. Уверяю вас.

Н-да, мысли скачут, мысли пляшут... ещё немного и в образы начнут превращаться...

Это вчерашние мои переживания.

А вот сегодняшние...

Ну мрак, ну плохо всё, но другим сейчас, может быть, ещё хуже. И не может быть, не предположительно, а так и есть. Так что, так что... как на это посмотреть. Ну сломал ребро, дак ведь зажило почти. Глаз чуть не выколол? Но и он уже смотрит. Зато знаем теперь наверняка, опытным путём, так сказать: роговица – штука живучая. Регенерируется, как сказала врачиха. Испугался? Испугался. Понял даже – в одно мгновение: каково тем бедолагам, кому глаза выкалывали... допреж. Какой-нибудь султан-самодур ослеплял своих провинившихся подчинённых... пардон, слуг.

И как знать – где-нибудь и сейчас происходит что-нибудь подобное – и кому-нибудь натурально выкалывают глаза современные изверги...

Н-да, вот сумку украли, а там чужие вещи – вот это, вай-вай, совсем плохо. И как по-глупому-то! Эх, оттого и сетуешь на полосу... серую. Нет, ну в самом деле, ну опоздал на электричку – последнюю (в первый раз, что ли?), ну и пошёл в зал игровых автоматов при вокзальчике – погреться, а там хозяин-барин: либо играй, говорит, сурово говорит, доходчиво, либо отваливай отседа. Дратся, что ли? Вышел. Купил в чипке бутылку пива, глотнул, стал соображать, чего делать, куда податься. И подходят парень с девицей. Он – *такой какой-то*, даже не запомнил толком его физию, а вот она... не согрей меня пивко на ту секундочку – испугаться было б впору. Все черты лица её правильные и вполне даже изящные, но!.. жутко сделалось мне! Не вру. Не сразу и сообразил, что к чему... её лицо было в два раза *уже* обычного. Чудовищная диспропорция. Подумать бы: не спроста это, в предупреждение таким лопухам, как я. Да не подумалось. Подумалось другое: тоже – братушки по несчастью... впрочем, скорее, по недоразумению – опоздали на электричку. Сердобольным оказался на ту минуту, сочувствующим. С этого и разговор начал сам же: мол, тоже пролетели?.. Потом пивка им предложил, они сигарету – мне. И всё – точно какое-то безволие, податливость окутали моё тело, абсолютное отсутствие мыслей. Надо погреться? Надо. Пошли по продуваемым ущельям панельных многоэтажек. Какой-то подъезд, знакомый им код в парадном... и тяжёлое пробуждение на кафельном стылом полу. Ни сумки, ни шапки, ни куртки... Хорошо, не пристукнули. Хорошо, что хорошо кончается. Кое-как добрался до своей дачки и отлёживаюсь теперь. Простудился... Впрочем, довольно – заикнуться можно. Всё потому что малозначительно, малозначительно, малозначительно... Но где значительное взять? Откуда выписать лекарство? – что бы наподобие, наподобие... наподобие чего? С президентами я не знаком, в Думу не бал-

лотируюсь, нефтью и газом не торгую, а, стало быть, и зарубежных счетов не имею, и всякие междоусобицы и войны не устраиваю... ради подогрева интереса к своей особе. Ну да что с того? Да и я вот сомневаюсь: всякое ли масштабное событие имеет в своей основе разумение и чистоту помыслов? Наблюдаешь каждодневно, как гримасничают, друг друга грязью поливают наши и не наши политики, правители и претенденты в правители, и поневоле задумаешься: а не это ли верх суеты и глупости? Так почему я должен тушеваться, скромничать? В конце концов, вся подоплёка их суеты – корысть, да ещё какая громадная-то! А если в моей жизни имеет место подобное, то гораздо меньших размеров. И посему выходит: мои мелочи жизни куда достойнее. По крайней мере, такого цинизма, чтобы уничтожить сотни тысяч и даже миллионы людей и считать это статистикой, за мной не водится. Я тут муху надоедную прихлопну и то с укоризной за несдержанность свою подумаю: а не вызовет ли это обстоятельство пагубное землетрясения на противоположной стороне земного шара?

Такая вот не оригинальная философия посещает меня время от времени, особенно когда прихворнёшь, а в кармане, между тем, пусто, и страшновато сделается – не помереть бы часом от растреклятого гриппа или ангины – тут, в одиночку. И о других людишках вспомнишь: а им-то каково, да если ещё им крупно повезло – влипнуть в разборки высокопоставленных лиц, которым без статистов как без воздуха... Вот то-то и оно. Мне-то как раз здесь, на отшибе истории, ничего не страшно...

Ладно, к чёрту философию. Надо чего-то съесть.

И вот сижу за столом, яйцо горячее облупить пытаюсь. Пальцы, однако плохо слушаются – холодно (печку ещё не затопивал) да ещё в организме разлад (градусник разбился, температуру померить нечем. Ах-ах, как жить без градусника!). Сижу-то, впрочем, в полушубке и унтах...

В треснувшем зеркале над рукомойником моя комичная физиономия весьма уныла... Долго *полюбоваться* собой не удаётся...

Внезапно в замке поворачивается ключ, дверь, скрежетнув, распаивается: Зинаида собственной персоной, как явление самой природы – сама примадонна.

– Привет! – бодрым с мороза голосом, но видно некоторое замешательство: не ожидала застать, вероятно – обычно с утра я на службу вышагиваю, топ-топ – семь км до города и обратно, а это предполагает здоровый образ жизни, и значит, я и телом и духом должен быть... всё верно: здоров и бодр.

Признаюсь, вздрогнул я с её появлением (хотя вздрагивать так-то стал давным-давно, оттого, коротко говоря, и перебрался сюда: устал, что называется, морально), но тут некая глупая надежда шевельнулась за пазухой: а вдруг почувствовала, ну или доложил кто: заболел я, и привезла каких-нибудь снадобий. И я осторожно пожаловался, вроде как объясняя, почему вот так сижу сгорбившись и не вскакиваю, не целую ей ручек:

– Приболел чего-то. Грипп, должно.

– А-а. – И тон знакомый: опять, дескать, с похмелья. Она проходит, тюкая каблучками, цепко озирает всё вокруг быстрым взглядом, мельком смотрится в зеркало над умывальником, опять окидывает «берлогу», поверх моей головы, спрашивает: – Щипцы для завивки не видал?

Та-ак, – хочется мне съязвить, – опять в санаторий наострилась, но говорю – униженно, точно чувствуя вину за собой какую:

– Нет, не видал.

Вскидывает носик и сразу ясно: хочет обратить моё внимание, как похудела она на диете – второй подбородочек исчез; на каблучках повёртывается:

– Ладно, – и цокает в мансарду. И что это «ладно» означает, не понятно. Лишь тревогу прибавило к моему болезненному состоянию. Ну что ты будешь делать – и позавтракать спокойно не дадут. Теперь я наверняка чувствую, что у меня температура, голова потому что совершенно не соображает, и резкий упадок сил: я не знаю, что делать! – то ли подняться

и пойти на поиск её электрошипцов, дабы она поскорее убралась, то ли продолжать лупить яйцо. Но тут заходит её шофёр Артём, высокий щуплый мужичок:

– Ой, здрасте, Павел Данилыч, – получается, он также не ожидал моего присутствия, но реакция у него хорошая. – У вас лопаты не найдётся? Застрял на развороте. Стал разворачиваться, а там сугроб!

– Бывает и похуже, – и, запахнув полы полушубка, я шатко иду в сарай за лопатой, опасаясь при этом почему-то, как бы, в самом деле, не признали меня нетрезвым. И Зинаида, как назло, выходит на крыльцо:

– Пойди помоги вытолкать машину-то, – говорит. – Я спешу.

Вздыхаю: не только машину пихать, мне через порог перебраться тяжело было. Сделал ей одолжение – мизинчик протянул в помощь, так она и руку целиком сразу отхватить не прочь... И вспомнилась, как два десятка лет назад, температура, проснулся я ночью с нестерпимой жаждой, хотел пойти на кухню и не смог, тронул Зинаиду и попросил воды. Оторвав голову от подушки, она посмотрела на меня и раздражённо сказала: «Погаси свет», – и снова засвистала носом. А в последние годы мне стало казаться, что её вполне устроит сделаться молодой вдовой. И, в конце концов, я предпочёл покинуть её деловитое общество... Ай, и об этом думать давно надоело!

Растерянно гляжу в спину удаляющегося Артёма, бормочу:

– Температуру я, слышь, – и вновь виновато скашиваю глаза на Зинаиду, но уже и озлобляясь: да, ей-то машину вытаскивать из снега ни в коем разе не личит: в моднячих сапожочках, пальтеце колокольчиком, будто с последнего подиума моды, собольей шапчонке... И слава те всевышнему, Фулюган вышагивает по тропке к моей хижине – в камуфляжном бушлате, галифе в сапогах (он всё мечтал, мечтал, и вот раздобыл), – что тебе краб движется – руками ногами разгребает, будто в нём силища неимоверная.

– Эй, сосед! – зычно-весело. – Чего дым из трубы не вьётся? – Замечает тут мою королевну, сразу глаза вприщур: – О-о! Гости пожаловали!

Зинаида ноль внимания на него, отвернулась даже, каблучком скрипнув. Грубоватость тона её покорибила. И увидав это, вернее – почуввав, что королевна ему не по рангу, не той, скажем так, классовой прослойки, Фулюган поворачивается ко мне:

– А ты чего? Болееешь, говорят. Зачем? Не на-адо! Нам болеть нельзя! Медицина нынче здоровья дороже. – И вдруг напускается: – Я говорил тебе, нечего баню топить, говорил? Почему ты меня не послушал?!

– Какая баня? – мямлю, оторопев и не сразу сообразив, что это игра. – Не до бани тут.

Вижу, как у Зинаиды напрягаются губы, и морщится носик, она, не в силах больше терпеть вульгарного отношения, делает шагок-другой в сторону нижней дороги, но я останавливаю её:

– Там он тем более не проедет.

– А где он? – встречает Фулюган. – Вы что ж, не знаете, по какой он дороге ехал? – и не получив ответа, всё той же крабьей решительной поступью направляется по тропе вверх по склону. – С-щас мы его пиханём! Собак своих – надо если – запрягу! Вылетит вертолётom! С-щас, ослободим!

– Помоги там, Виталь, – вслед ему просительно говорю и, не взглянув на Зинаиду, ухожу в дом, рывком запираю замок, чтоб слышно было ей. Странное дело, едва она появляется, меня начинает лихорадить. Хотя сейчас-то чего... грипп?

Растапливаю печь, а сам напряжённо вслушиваюсь, наконец, улавливаю звук удаляющегося мотора. Зачем, зачем приехала? Шипцы – явный предлог. Поговорить хотела? Но скорее всего – совместить: и поговорить, и шипцы забрать. Рационалистка. Без плюсов и без минусов – констатация. От природы такая. Сперва всё разметит, размыслит, затем действует по составленному плану, полагая, что расчетов её и хитростей никто не раскусит. У неё всегда было

так: всё, что в её головке не укладывается – либо глупость, либо ненормальность, обернуть же это на себя даже мысль не придёт. Впрочем, не хочу об этом думать. Полторы тысячи и ещё пятьдесят пять раз передумано. Хватит бы уже, хватит. Это ей нравится выяснять отношения, а не мне. Я-то тут при чём? Не хо-чу. Иначе зачем я здесь?

Высыпаю запасы лекарств из коробочки на стол, но ничего подходящего не находится. Стребаю всё обратно. Ложусь на продавленный диван, укрываюсь старым пальто и начинаю соображать, как отвязаться от мыслей – теперь о Зинаиде. Благо ещё, Фулюган подвернулся. Ну о чём бы я с ней беседовал, с этой педанткой?..

Да, Фулюган. По фамилии-то он Пилюган. И поначалу его в хулиганы окрестили, затем как-то само собой Пэ на эФ поменялась. И нейтрально, и понятно для посвящённых, что сие означает. Четвёртый год, уйдя от жены, Фулюган зимует здесь в своей теплушке, держит кролей, кур, достраивает дом из кирпича. «Я бич номер два. Первый – это Однорукий, а я второй. А вот ты, Паша, будешь третьим. Лады?» Я соглашаюсь. Третьим так третьим. Бог любит троицу.

Зимой Фулюган работает истопником в котельной заготовительной хлебопродукты. Оттуда, кстати, обеспечивает кормом свою живность. «Я, да будет тебе известно, если не уво-рю хотя один день чего-нито – спать не буду! Не могу! Исключено. Такая у меня натура. Понял?» И тут же предлагает: «Тебе масло подсолнечное не нужно?» Десять литров за столько-то. Я отказываюсь – он настаивает: «Дурень! Скоро карточки введут, попомни моё слово».

Да, но это зимой. Летом котельная на отдыхе и Фулюган промышляет шабашкой – то дом пластиком кому-то оббивает, то бассейн помогает при баньке наладить, то колодец... Короче, не тужит. И всё же некоторая истеричность по поводу возможных будущих невзгод время от времени его одолевает. И когда мы с ним выпиваем, не прочь и всплакнуть: «Э-эх, ничего-то раньше не боялся, а теперь... остарел, что ли? Или бедлам этот на нервы действует? Э-эх, растрёпанная Россия, и кто ж тебя предал! Кабы знать!» – «Ну и чтоб ты сделал?» – подзуживаю. Он смотрит строго, пытается освоить скрытую издёвку. Шмыгает носом, трёт глаза. Девчушке обычно говорят: ну поплачь-поплачь – легче будет. А мальчишке? Ну-ну, ты ж мужик! И вот он всю-то жизнь затем сдерживает себя, давит слёзы в горле, даже если невмочь, и лишь в поддатом облике размажет по роже мокроту – из глаз да из носа. Таков и Фулюган. Поплачет, поскулит, затем внезапно блеснёт плутоватым глазом: «И-эх! – рывкнет. – А-а! – расправит плечи, руками попружинит, словно чугунную крышку от канализационного люка над головой свинчивает. – Н-не пропадём! И-и тебя в обиду не дадим!» Роду он лихого, казачьего, с Дону вольного, реки могучей. Семь не то одиннадцать братьев у него, забыл. Есть и сестра, старшая, которую они все слушаются даже в пьяном виде...

Отец его овец пас, а десятилетний Виталя чабану помогал. Был у них пёс Бунёк, гроза волков, готовый за хозяев жизнь положить. «Как-то иду, а навстречу мне бодливый бычара бошку свою наклонил, его в селе все остерегались. Дурной, в общем. И он мне на пути. Я туда, я сюда – он за мною. А глаз кровавый, фашистский. Я как закричу: Бунёк! Бунёк! Помогите! Как выскочит, как выпрыгнет откуда ни возьмись и на быка этого с ходу-с маху, за холку его и в канаву! Загрыз насмерть! Вот такой у меня охранник был. Собак у нас много было, ещё четырнадцать. Они отару в кольцо берут, и никакие волки не подходи за версту даже. А Бунёк у них за главного, пробежится по кругу, посты проверит и обратно ко мне. А как-то цыгане мимо... мимо – не мимо, а на барашков наших глазок свой масляный нацелили. И значит, барон ихний во-от с таким волкодавом отцу навстречу – и не спроста ведь – однажды и попался, хвост у волкодава кверху поленом, сам на месте не стоит, вьётся вокруг, энергию девать некуда. А Бунёк наш с виду не очень и взрачен, хвост тем более прижмёт – не знаю отчего, но привычка такая скромная. Барон и насмехается. Что ж это у тебя за псина – сор подметает, – знать трусовата. „А попробуем давай, – батя мой спокойно отвечает, – только уговор: ежелив мой победит – снимаете табор и дуετε отсюда вёрст за триста. А твой победит – берёшь овец, сколько

душа пожелает. Лады?“ – „Лады!“ Ну, такое дело. Ихний волкодав в бой рвётся, а наш Бунёк у ноги хозяина тихо сопит. Развели мы их на расстояние и одновременно пустили. И началась буря в пустыне. Как давеча Америка в Ираке напылила. Сперва за этой бурей и рассмотреть-то ничего было нельзя, а потом визг начался: глядь – волкодав дёру дать пытается, а Бунёк его прихватил и не отпускает. Кое-как мы растащили их. Ухватил барон свою собачку за ошейник и – к табору своему. Больше мы их и не видали. Знать, не за триста вёрст, за все пятьсот умотали».

– У меня четыре класса образования, но меня не проведёшь! – это у него на манер приговора, типа «бля» на ниточке.

Как закончил курсы механизаторов, поехал он на целину. Своих погодков поучал: «Говори, от сельсовета я, а не от колхоза, понял?» – это чтобы из деревни вырваться с пачпортом, так надо понимать. Я помладше, а ему полсотни три. В армии же Виталья стал сержантом сапёрного полка, наводил мосты для танков – где-то рядом с Китаем. Выйдет, бывало, перед строем, подымет левую руку: «Полк, слушай сюда!» Короче, жалеет, что ушёл из армии, его удерживали, упрасивали даже, говорит, в офицеры прочили – курсы там и всё такое прочее предлагали. Так, во всяком случае, рассказывает, да. А рассказывать он любит в лицах: «Товарищ комполка, разрешите провести учение на интерес». – «Что значит на интерес? Зачем?» – «Да скушно ж.» – «Ну... – и замысловато яблоками глаз проворачивает, – давай проведём.» – «Зачем тебе это нужно?» – злятся одногодки. – «А не хотите, я вас не заставляю. Сидите в казарме – мхом обрастайте.»

– Вот ты представляешь, что такое река? Большу-ущая такая река? И мы – р-раз!.. И в дамки! А ребята, знаешь, какие у меня были? Не чета многим – силачи, ловкачи! Как возьмутся – и переправа готов. Только шлёп-шлёп понтоны – волны против течения прут! И танки пошли. Эх, было времечко...

И прослезится наш Фулюган. Молчит минуты три, носом хлопает, губами шевелит, как обиженный ребёнок.

А после армии он осел в Москве и двадцать лет работал на свалке бульдозеристом, квартиру зарабатывать. «Жестокий я был человек! Сожалею теперь. Д-да! Тонька или Манька сообщают: Виталь, там бомжи грозятся тебе бошку свернуть. Я: чего-о?! Завожу свой бульдозер и вперёд. Ночь. Пру на их костёр прямиком, опускаю нож и на костре ихнем останавливаюсь да ещё крутанусь, как танк. Ногу на гусеницу выставляю: ну, кто тут меня обещал?! Все прыгнули в стороны, один остался, лохмадей. Ну я, говорит. А у меня в сапогах за голенищами по отвёртке. Ты?! Чик его под ребро и готово. Потом бульдозером в отвал. Ищи-свищи теперь. Да и свалка постоянно горит, сами же и поджигают, бомжи эти. Н-м-м! Жестокий я был человек. Зря. Не простит мне боженька на суде своём... Боюсь, не простит. Да и не по что зверей жалеть... ну я, конечно, не лесных имею в обозрении».

Сколько процентов правды, сколько сочинительства, трудно определить, но слушать интересно. Но... (и это он уже рассказывал, просто забыл) ... закатав бомжей бульдозером, он ещё какое-то время продолжал изображать из себя супермена, при этом больше стал пить, а затем в нём что-то сломалось... ему приснилось как-то, а затем всё чаще и чаще: нож бульдозера, а перед ножом эти хари бомжей... И будто спросить хотят: «Мы что ж, не люди, потвоему?..» И тогда он начинает рычать, изображая рёв мотора, но оборотов не хватает, бульдозер никак не сдвинется... Аж в животе становится больно от натуги.

Пытался сменить место работы, но тщетно всё... и на новом месте та же киноварь (это словцо у него в смысле *кино*). Бегал-бегал, пока не обосновался здесь... тут поотпустило малость. Однако когда садится солнце, Фулюган по-прежнему не находит себе места – так и тянет его к кому-нибудь пойти, давление даже подскакивает у него. И так, примерно с час-полтора, пока солнце не закатится... Ах ты Гога-Магога! – ходит он взад-вперёд по своему огороду. – Гога и Магога, отпусти...

Про него как-то однорукий (о нём подробнее чуть позже), маясь с похмелья:

– Так! – и потёр ладонью лоб. – Солнце покатилося за край пригорка и... щас Фуля прибежит...

– Ты откуль знашь?

– А то! У него свой час – своя щёлочка промежду тьмой и светом. Как не успеет проскочить, так руки ходуном... и ноги. Короче, пока стакан не врежет – ложись и помирай. Часы! Биологические. Не знал? Э-э, у каждого своя Голгофа. Намудрил мужик по ранней глупости, теперь мается...

Да тут вокруг – имею ввиду, на дачных на наших участках, – как оказалось, сплошь и рядом любопытные всё экземпляры. А ведь не поселился б – и не узнал бы. Летом народу больше муравьёв. Все заняты, копошатся, тягают каждый свою соломинку либо песчинку, на собраниях из-за воды ругаются или по другим причинам схватываются, общаться по-людски и недосуг. Зимой другое дело. Иной, как выражаются, коленкор.

Про однорукого уже вспоминал, вон на том холме справа домик его: ну тот самый однорукий, который у моего ближайшего соседа Тимофеича псину сожрал, а Фулюган, говорят, ему ассистировал, он же мастер скотину резать. Тимофеич до сих пор простить им не может. Впрочем, Тимофеич – мнительный мужик, ему могло и пригрезиться. Как погода меняется, он чудной делается. Ни с того ни с сего здороваться перестаёт. Возможно, это после того, как его машина сшибла – ногам и голове досталось. Ну да ладно. Так вот однорукий – тогда ещё не однорукий, – под электричку попал и... скатился до бича номер один. А работал конструктором на каком-то большом заводе. Жена у него Элла – бестия кареглазая, матерится по-чёрному, тут же при нём липнет к мужикам, всех облапает, заведёт до греха, он её за это поощит почём зря, она ж его кроет ещё пуще. Ну да шут с ними. Не суди да не судим пребудешь. Фулюган, впрочем, с ним не церемонится, чуть что – а они у него частенько собираются поддать – в охাপку его и об пол, да сапогом безразмерным по рёбрышкам. Ну да однорукий сам виноват, спьяну угрожать начинает: убью, мол, дом спалю... А поскольку пару домов у нас тут-таки сгорело, то обещание как бы имеет под собой почву. Ну а завести Фулюгана раз плюнуть, тем более что дом свой он уже который год возводит: по кирпичику, по досточке, на саночках зимой, на колясочке летом – по всем ближним свалкам. «Для внучат строю, для себя, что ль. Петуха он мне пустит, гад!» Однако на другой день, как ни в чём ни бывало, однорукий тащится опохмелиться, лупит глазами: ничего, мол, не помню. Может, и не брешет. Ко мне он обычно заходит за пивной посудой: «Выручай, помираю. Хоть на бутылёк пива наскрести...»

Через дорогу – Водяной, фамилию запомнил. Жена у него старуха уже, к тому же рак у неё. А он крепыш, гриб-боровик, дырочки из носа, будто пистолет двуствольный. Фулюган про него: о-о, ты его ещё не знаешь. Особо не знаю, конечно, согласен, но сталкивался. Разок он меня даже надурил. Это когда у меня ещё машинёнка под задницей имелась. Притащился: выручи, просит-умоляет, опохмелиться надо, до города подбрось. Ну такое дело, поехали. Ещё и занял ему на поллитру. Правда, вместе выпили. А потом он заходит: извини, говорит, отдам должок с пенсии (я будто бы спрашивал), а хочешь, чего-нибудь сроблю – вон трубу могу привернуть водопроводную, ближе к дому будет водица. Ну приверни, раз так. Он и привернул, хотя я и сам бы мог, всё уже приготовил, настроения дожидался. А на другой день приваливает: слышь, говорит, ты мне должен, я ж тебе не хухры-мухры, я водопроводчик. Дал я ему на пузырь – подавись! – и больше не связываюсь. Фулюган про него тоже: «Топаю с работы, еле жив. Водяной мне навстречу. И в сумке у него не одна и не две, а три. Я ж по звуку определяю тебе любое количество посуды. Ну налил бы стакан, мне больше не надо. Н-нет, чешет мимо. Привет, мол. Но сам, гад ползучий, только ты зазеваешься, тут же тебе на хвост и присядет. И как чует, бестия, говнецо такое! Всё правильно рассчитает, вплоть до атмосферного давления и твоего настроения, и главное, сколько раз себе на ус наматывал – не поддавайся, ан нет: выхожу из ворот своей котельни и напрямиком на вокзал к знакомой торговке, подешёвке пузырь

возьму, дёрну стаканище и по коням – до дому пешочком – хорошо: не скучно, не зябко. А он тут как тут... Ему что с-с... в глаза, что божья роса, всё равно. Уж я на что человек жестокий, а и то... да на-а пей, не захлебнись только. А ведь захлебнётся когда-нито, захлебнётся – вот не может этого не быть!.. О-о – ох, помяни моё слово! – не своей он смертушкой окочурится. Ты слушай меня, я тут всё ж таки не первый годок, не салага, вроде тебя. За один же год ничего тут не постигнешь».

Он много чего мне порассказал, Фулюган наш, поучал – не без того, ну да не обидно у него получается.

Так, кто тут ещё у нас зимой, если и не постоянно живёт, то частенько наведывается? Про некоторых я уже рассказывал вам как-то, повторяться не буду. А, Вадик Забралов, врач «Скорой помощи». Опять же врачи Платовы, муж с женой. Эти ближе к вечеру приезжают и под ручку прогуливаются по улочкам. А что, тихо тут, ходи себе отдыхай.

Франко тут у нас ещё есть (почему Франко? – до сих пор не могу выяснить). Чудноватый несколько. Построил дом – всё чин-чинарём. Потом вдруг начисто крышу разломал, хотел, возможно, что-то перекроить, но заранее не обмозговал, похоже, как да из чего, и вот теперь который год дом его без крыши простаивает. А потолок в нём сороковкой был оббит, гнить начал, трухляветь. Ну, Фулюган не лыком шит, ободрал скоренько да к себе уволок. Не задаром, конечно, по полкило, как он выражается, с чудой-юдой съели. Ох, Фулюган-Фулюган, как поддаст, так полночи песни по нашим закоулкам распевает. К слову сказать, он за многих тут дежурит. Не за просто так, за полкило-другое, естественно. Дураков нынче нема, говорит, рыночные отношения на дворе. Этот, как его, шок-терапия! А по мне, нет никакого рынка – одна спекуляция да реклама от больших мешков денежных. Сговор сильных мира сего. Что захотят нам в мозги заправить, то и будет... Да я, впрочем, не о политике с экономикой бодягу развожу, о своих, в общем, коллегах...

Называть можно ещё многих. Все чем-нибудь да знамениты. Голова вот только набухла. Если кратко обозначить разве. Вон там Окин обитает. Как ни появится, так сразу стучать начинает, железка об железку. То ли что прямит, то ли кривит. Сколько раз пытался углядеть – не вразумился. Может статья, бзик у него такой. Слышьте, мол, это я пришёл. И бемц-бемц-бемц. Я сразу форточку на его сторону закрываю и ну его, раз такая у тебя привычка. Для ориентировки прибавлю: тех, с кем я непосредственно граничу, – трое, и каждый из себя нечто особенное. Справа, если я выхожу из дома, – Трофимыч; слева – Окин-белобокин; с тылу – Яков-кряков. Так что если придётся мне бежать по какой-то причине спастись, то – в лишь четвертую сторону, в лесок... Кстати, сидели как-то Яков с Окиным в этом самом лесочке, выпивали. Увидел Яков Трофимыча и кричит: иди, мол, выпей маленько. Тот подходит, а Окин хватить бутылку и прямо из горла допил: «Всё, – говорит, – уже нету!» Яков даже рот открыл от изумления. С тех пор Трофимыч в обиде на Окина. Впрочем, больше о них сегодня не упоминаю, как-нибудь особый разговор заведу. А вон там ещё замысловатей... впрочем, довольно и на этом, не то ещё вообразите, что все мы тут пальцем деланные. На меня ж просто стих такой ноне критический напал – критически-саркастический. Между тем, жить здесь можно и даже полезно. В беде, по крайней мере, не оставят. Фулюгану, например, забесплатно зубы вставные смастачили. Даже испугал меня однажды неожиданной метаморфозой (я ещё про зубы тогда не знал): иду, значит, он навстречу – весёлый, зубами блестит, орёт чего-то по своему обыновению. А вечером того же дня захожу к нему с бутылкой, добавить решил на сон грядущий, глядь – спаси и сохрани! – а на меня тарашится старик с проваленным ртом. Я прям даже обомлел и оторопел... А это он вынул свои вставные и в стакан, в кипячёную водичку... Так что в старости, надо полагать, будет он дедом с шамкающим ртом и кляклым носом, таким утячим-ширячим.

Всё! Голова утомилась окончательно. Пить аналгин или не пить? Вот в чём вопрос. Может, так засну?

А, вот ещё история. Трофимыч опять же рассказал. Есть у Фулюгана собачонка – брехливая, жуть (но не пустообрёх). Лукавая проныра и воровка. Что-то она у хозяина своего стибрила и под крыльцо схоронилась, помалкивает. Ну, Фулюган раз вышел, покликнул её, другой, третий... и завёлся: «Лялька, стервоза ты этакая! Дом из-за тебя выстудил! Твою-то за ногу, куда девалась?!» Да всё это не так литературно, как я вам докладываю, а с выпуклыми картинками. «Ах ты дрянь блохастая, поди сюда немедленно! В корыте утоплю, бошку оторву! Хахаля нашла! Блудить вздумала, да! Обоим гланды выдеру!..» И так далее. А на другой день приходит к нему соседка Ляля, с нижней улицы, по прямой если – почти насупротив, медсестрой работает в поликлинике, безмужняя... и говорит обиженно: «Фулюган Митрич, зачем вы свою собачку моим именем назвали? У меня вчера гость был... так он, как услышал, так невесть что подумал... едва не помер с испугу: у вас такой голос зычный...» – «Какой я тебе Фулюган! – отвечивал Фулюган. – Сама ты плошка не чищенная. Давай на бутылку, другие метрики выправлю...» Смех, конечно, но... возможно, всё это враньё, поскольку Трофимыч мужик тоже, как уже сказано, своеобычный. На него как найдёт. То ничего-ничего, то вдруг насупится. Или на жену, или на дочь, или на собаку свою – короче, на весь белый свет. Нонче если с тобой в дружбе, то, значит, на других в обиде и все-то их прегрешения тебе обскажет. Но завтра... завтра уже им о тебе донесёт. Кстати, как-то мы с ним соседа-инвалида проводывали, это на горе который, его окна вечером на все стороны светят. И щеночка этот сосед мне сватал, пока мы сидели-выпивали. Но я крепился, отнекивался: всё ж существо живое, кормить, присматривать нужно и всё такое – ответственность, короче. А на обратном пути щенок этот увязался за мной. И давай меня Трофимыч уговаривать: возьми да возьми, вишь, какой, сам за тобой, дескать. Проко-ормишь. А где-то через месяц-полтора мой Тирля пропал (я, как шёл тогда, всё тирлялякал – тирля-ля да тирля-ля, так и нарёк Тирлей). Пошёл искать. И что? Оказывается, Трофимыч его за речку сплавил – тамошнему знакомому. Чем-то, стало быть, уж я ему не потрафил... Ну да ладно, это к слову... нет-нет, я не выражаю, так сказать, ему своё «фэ», поскольку все мы начинены разной требухой. Тем более, о Трофимыче я уже как-то вам рассказывал и ничего плохого даже не подразумевал...

Чуть свет заваливается Фулюган в драной шапке и фуфайке с ватными клочьями из прорех, и – почему-то – с топором в руке. Его пришибленно-заискивающий вид мог обозначать лишь глубочайшее похмелье. И голос хрипло-жалостливый подтверждал:

– Выручай, браток.

– А чего с топором-то, казак? Для пущей важности? – И гляжу: топор-то вроде мой. Или я подарил ему?.. С чего бы? Не помню. Надо в сарае поглядеть, а то чёрт его знает... Хотя нет: лисица у норы своей курятника не зорит.

Фулюган тоже посмотрел на топор, чуть ли не к глазам поднёс остриё, как впервые увидел, и спрятал его за спину.

– Хотел вот пол доколотить, но не могу, мочи нет. Выручай, Паш. Правда, сил никаких.

– И где ж ты так набрался? И фигли не со мной?

– Извини, брат, не свой кошт заглывал. О-о-о! Жадность гада обуяла... – Обессилено опустившись на табурет, Фулюган приставил топор к стене ручкой, сник плечами, подбородком в грудь упёрся.

И я с трудом встаю на колени, достаю из-под дивана эн-зэ.

– А может, чайку вольёшь в себя?

Фулюган тихо застонал, но ответил всё ж опрятно:

– Нет, по чаю не скучаю.

Первая прошла в молчании, после второй Фулюган зашевелился, поморгал, отщипнул корочку хлеба. После третьей блеснул одним глазом, второй прищурил, и физия сделалась ехидной. И начинается разговор.

– Включи телевизор, что ль.

– Да ну его, – но включаю. Показывали очередную политическую тусовку. Фулюган пару минут глазееет в экран молча, потом с силой хлопает себя по колену и раздражённо:

– Вот, – говорит убеждённо, – кого в президенты надо! Молодой, рослый, курчавый...

Э-эх!

– Думаешь?

– А чего? Ты против?

– Как сказать... Про него нехорошо отзываются.

Фулюган прищурил один глаз:

– Чего? Ну-к сказывай давай!

– А чего встопорщился? В лоб засветишь? Читал где-то, читал, не сам придумал: когда решали вопрос, там – наверху, чего делать с парламентом и его защитниками, он, значит, первым закричал мордатому нашему, чтоб изничтожить всех и поскорее.

– Врут всё, небось, – Фулюган опять уставился в телевизор и через некоторое время сказал, но уже без прежнего азарта. – Любят у нас навести поклёп.

– Ну это да, бывает. Ещё его чёртиком называют. Выскочил, мол, из табакерки.

– Из табакерки? – Фулюган непонимающе уставился мне в лоб.

– Ну да, нанюхался чёрти чего, – в табакерке, понимаешь? – и давай визжать: зарублю всех подряд!.. Понял, нет? Не у Табакова в театре «Табакерка», а натурально – нос в табаке. И теперь все чихают, остановиться не могут. У меня один приятель на спор так-то чихал. Хочешь, спрашивает, двадцать три раза чихну? И ждёт, когда тучка солнышко освободит. Глянет на огонь-светило, и ну чихать... при этом считает: раз, два... на двадцать третьем останавливается.

Фулюган опустил глаза, застонал, схватившись заскорузлой пятернёй за скулу, затем вынул изо рта вставную челюсть и как бы в сердцах бросил её в свой стакан, прошепелявил:

– Двадцать три, говоришь? Наливай! Пусть проденфицируется, гадина. Все дёсны истёрла. – Лицо его при этом сморщилось, сделалось потерянным-потерянным.

– Да ты не расстраивайся. Он не один такой.

– Спасибо, успокоил. – И резко сменил тон: – Как я её, а! «Зачем баню топил?!» Не-е, пусть знает: тебе есть тут с кем поякшаться.

При упоминании о жене теперь уже я скисаю.

– Не горюй. Мы тебя в обиду не дадим. Или я не знаю, что такое бабы? Э-э, брат ты мой! От собачьего хвоста. И вертятся, и вертятся... Ты, я смотрю, туповат. Я не такой. Вот ты всё бросил, в конуру законопатился. А я нет. Квартира в Москве на мне записана. Когда хочу – приезжаю. Жена в дверях – я молча мимо, в упор не вижу. Мне дочь мила, внучата – Наташка и Костька, им я рад до бесчувствия. Мелюзга, близняшки, а всё разные. Костька хапнет апельсин и в комнату ползёт, там только есть-чмокать начинает – спрятавшись. А Натка тут же в кухне приземлит свой задок и зубёнками в кожуру – грызь-грызь. В меня – оба! А ты говори-ишь!

– Молчу, Виталь, молчу. Всё понимаю и всех понимаю. Одного себя не понимаю.

– Ну, сыну ещё для разрядки мозги вправлю, чтоб ягнёнком не блял. А ей – фу-у! – кило презрения. – Фулюган помахал у носа перстом. – Ни-ког-да! Никогда не сворачивал, если решил. Ты чего думаешь, я мотаюсь туда с рюкзаком? Яиц, маслица, кролика привезу. Деньжат подкину. Дочь у меня – во, казачка! Сейчас с детьми сидит. Зять ногу сломал. Без денег. Кто поможет? Тёща давеча приехала, в ноги хотела кинуться – помирится, мол. Не-е на-адо! Когда сам хотел – нос воротили, слабак-де, да запах от меня не тот, вишь ли! Образование высокое имеешь? А теперь на-кося. И ты сопли не распускай.

– Да я и не распускаю.

– А то я не вижу. Ты мне сказок не сказывай. Я всё это пережил, перетерпел. Теперь я вольная птица. А то ишь... Я ж вижу, как она тебя вчерась поддела за живое. Лица на тебе не было.

– Температурил я.

– Э, фигня всё это – температура твоя. Сидишь тут скрючимшись, тоску зелёную разводишь в лоханке. А чего её разводить? Ты ко мне приходи, когда тяжело. Мы с тобой и по бабам сбегать могём, а летом – на шабашку. Что нам их кризисы и круизы. Хоть мировые, хоть какие исчо! Скачут там наверху с места на место, как блохи. Кто-то мрёт, а кто жиреет. Вот с жиреньких и будем стричь.

Тут мне ни к селу – ни к городу вспомнилось – Тимофеич давеча доложил. Они с Фулюганом соперничают из-за дополнительных дежурств – естественно, за плату которые. Поэтому каждый старается представить себя перед руководством нашего товарищества (да и вообще создать общественное мнение, так сказать) в лучшем виде, а другого – по крайней мере, смешным, если уж не разоблачить вовсе в какой-либо неприглядности. Так вот Фулюган неделю назад поймал воришек – собирателей цветного метала. Разумеется, рейтинг его подскочил выше некуда. Ещё бы, в газете местной пропечатали. Тимофеич на это лишь заметил: ну-ну. И был прав, потому что на другой или на третий день Фулюган, получив очередную плату за дежурство, напился с приятелем и едва не утоп буквально в луже по колено. Как Тимофеич рассказывал: «Выпили они – мало показалось. Дал Фулюган приятелю денег на бутылку и отправил в город, а сам, чтобы зря время не терять – на ту сторону речки к бабе этого приятеля... дескать, пока мужик ходит, я её проводаю... А чтоб не скучала. Да. Шёл-шёл и заблуждался. Упал и орёт благим матом. Вовка, механик, ты знаешь его, выскакивает с вилами, не поймёт, что к чему, в темноте ж не видно, кто... Ну! Чуть, говорит, не заколол, как вора. Потом посветил спичками, узнал-таки, поднял, отправил с грехом пополам в гору. Ладно, пошёл наш Фулюган, да опять не туда, забрёл в речку, а оттепель тогда была, стоит по пояс в воде и кричит: тону, спасите! Где берег, покажите! Другой уже сосед выскакивает, Витька, на углу живёт, под прожектором, который никогда не светит, ты его тоже знаешь. Тоже чуть не накостылял Фулюгану, за бомжа принял. Короче, когда он домой добрался, то ни приятеля с бутылкой, ни новой – нулёвка, говорит – куртки, и ещё какие-то вещи пропали. Сидит и чешет затылок: с кем я пил вчерась, не пойму. Не помню! Вот такой наш газетный герой. А ты говоришь...» А я опять, между прочим, ничего и не говорил.

И ещё ни к селу – ни к городу... Как-то прошлой зимой я застал у него девицу, девица как девица, молоденькая, на его постели возлежит. Не вовремя, думаю, я пожаловал. Но всё ж вызвал его из хибары на двор. Пошли мы с ним ко мне, допили бутылёчик, что я один начал, поговорили. Спросил я, между прочим, что за примадонна у него гостит. Поморщился, махнул рукой. Ладно, думаю, после расскажешь. Достал две бутылки пива и отдал ему.

– Это вам на двоих.

Фулюган тут же пиво в карманы рассувал:

– Спасибо, – говорит. – Удружил.

А спустя достаточный, пожалуй, срок я всё ж таки подробности имел удовольствие узнать – всё тайное, как говорится, рано или поздно становится явным. Уж простите за банальщину.

– Слышь, а та деваха, – спрашиваю без особого, впрочем, любопытства – так, для развития хиреющей беседы, – ну, что я у тебя прошлой зимой видал... помнишь?

– Ну.

– Она к тебе навевается по-прежнему?

Фулюган молчит, покусывает верхнюю губу – признак обдумывания: как «подороже» продать или, точнее, как лучше подать. Затем:

– А ты не слышал?

– Нет.

– Ничего?

– Да нет же. Зачем бы и спрашивал.

– Так-так, холера-то ещё! Ну, слушай! По-ользуйся чужим опытом. Я тебе как в театре обскажу, с карикатурками. – И неожиданно Фулюган преобразился, будто действительно вышел на сцену к зрителю, так что меня даже смех пробрал, едва я сдержался.

– Еду как-то из Мо-оскау – внуков навещал – и завернул на Лианозовский рынок, так просто, без определённой цели, окно в расписании электричек заполнить, как Окин твой выражается, – не подгадал, называется. Ну ладно, кто-то, может, и не переносит людской толчеи, а мне эта самая гуща пахучая вполне по вкусу: где прицениться-поторговаться, где анекдотец загнуть, а где и «прицелиться» – нет ли возможности чего слямзить, ну ты ж меня знаешь.

И вижу тут я родственницу свою – дальняя совсем, десятая вода на киселе, можно даже сказать – просто знакомая, поскоку ни на каких посиделках мы с ней не сталкивались. Но та ещё тётка – не то что палец в рот не клади, а и словцо лишнее притормози – отчихвостит за милую душу, такой базар устроит, что и... Но мы-то с ней – одного поля ягода. Понял? Подхожу незаметно и на ухо ей: «Ну что, товарка, чем порадуешь?» Как заорёт с испугу: «Отчепись, мародер!.. – Тут же, правда, узнаёт и ну плевать: – Фулюган проклятуший! Чтоб тебе ни дна не покрышки!..» – Впрочем, баба тёртая, может только так, для виду испугалась. Тут же ласково мне и говорит: – Давненько – давне-енько не появлялся. А порадую – всё у меня для счастья и удовольствий. И сама-т хороша – расхорошенька.

Вот какую бабу мне иметь бы, но помоложе, конечно, но вот именно такого характера – разбитного-прибауточного.

«Эх, Маняшка ты моя! – говорю. – Красноморденькая!» – «Не твоя-т я, не твоя, не твоёшенька! – и хлопает меня по плечу своей ладошкой: – А сурьёзно ежлив, то возьми вон племянницу мою. К себе. Чего ей у моего подола ошиваться».

Глянул я на молодку годков тридцати в глуби торгового шатёрчика и сразу оценил – подходяща, этакую и в самом деле взял бы.

«Да куды ж я её возьму-та? Сам пятый годок в берлоге зимую. – Но тут же и смекаю, что родня на то и родня, чтобы всё обо всех знать. Прищурил я один глаз на тётку, другим нацелился на „товар“. – Да и может ли быть такая краля ничья? – говорю. – Сумневаюсь что-то.» – «Вот возмёшь и будет твоя.» – «Серьёзно?» – «А ты испугался? Мы что ж, не на базаре? Я продаю, ты покупаешь. Ты продаёшь, я покупаю. Инда, голубь, готов если взять, так всерьёз бери, а нет – проваливай, других молодцов, посмелее, найдём». – «Ух ты, кух ты! – говорю, но, признаюсь, опешил слегка, но лишь именно слегка, поскоку смекалки не занимать, ты ж меня знаешь, и смекалка эта соображает мгновенно. – Ладно, рассказывай». – «А чё рассказывать, – говорит тётка, но голос понижает. – Племянница она и есть племянница. Мужа нет, живёт у меня. Скучает. Да и что мне с неё, я ж не эта... как их там кличут по-нонешнему?... не лесбийка и не... как их там кличут, которые продают и деньги на том зарабатывают?... Так вот, мне она ни к чему – ни с заду, ни спереду. И-и бери, не чухайся, тока живо!»

А я, знаешь, всё ещё сумневаюсь, вдруг шуткует.

«Дык, – говорю: – ... ты ж знаешь, где я... У меня ни театров, ни филармоний». – «О, милай, какие ей филармонии, ой! Ей бы мужик под боком». – «А пойдёт?» – «А куды ж денется! Скажу: надоела, уматывай! Не пойдёт – побежит. Не избалована. Да и приглянулся ты ей. Ишь, как глазками стрёкает».

Вот таким немудрящим манером и «прикупил» я себе товару. Приобрёл, так сказать, ни за понюх табаку.

Ну ехали потом, о чём-то говорили. Нинуля рассказала мне о себе – ну, что сочла нужным, то и вывернула наружу. Не утаила, кстати, об отсидке в два года. Я хороше-енько её разглядел и не разочаровался – именно такой фасон бабенции мне и по ндраву больше всего:

и глаза-то зелёные, и ушки пельмешками аккуратненькими, и губёшки с носиком, и овал личика приятный, да ещё чёлочка – ах! – ну по заказу прям. Ну тётка, наскрозь мужика видит! Да, миловидна, но слегка припухла – знать, с похмелья. Ну да это не беда. Сам такой. Дело поправимое. И я взял на вокзале *полтора кило* водчонки.

Со станции до моей «резиденции» шагали мы бодренько и почти молчком, так как прижимал морозец да ветерок в морду – рот просто так не откроешь. На повороте встретили нас мои собаки, завертели под ногами. «Это, – говорю, – мои шельмецы. Ты их не бойся. Лялька! Милка! Цыган!.. Чего у него с боком? Кабан зацепил. Пару дней как очухался. Сам облизать не дотягивался, так сучки ему вылизывали».

А дома сразу затопил свою «Маняшу» и, пока жильё наполнялось теплом и уютom, повёл своё «приобретение» на экскурсию: дом кирпичный свой показал («Как печку сварганю, буду жить – не тужить. Хотя зимой лучше моей хибарки-вагончика не придумаешь – всё под боком, всё под рукой. И „Маняша“ греет не хуже мартена. Сосед мне давеча кровать вторую кинул с барского плеча, так что жить будем не плоше королей с королевнами»), огород, курятник, баньку («А, затопим?! – А как же!»), окрестности обвёл рукой: гляди – красота! – не налюбуешься, порассказал о соседях-дружках, которые последнее отдадут для меня, не пожалеют, такие вот они у меня настоящие. Короче, то да сё, и в тепло, на сковородочку мясца с салом – блямц, стакашки о столик – бемц, и – хо-ро-шо-о-с!

И стали мы жить-поживать, в самом деле, неплохо. Хоть я и бросил свою прежнюю работёнку в кочегарке, зато теперь не надо каждый день вышагивать эти километры туда-обратно, да и за охрану («сторожбу») садовых участков теперь платили боле-мене. А, кроме того, всё у меня есть в хозяйстве – и куры (а, стало быть, и свежие яйца), и кролики (мясо съел – шкурки продал), и кабанчик был – теперь сало-мясо в подполе имеется. Не говоря уже про огородные запасы: лук-чеснок, картофель, огурцы-помидоры в засоле, варенье всякое...

Только стал я замечать через какое-то время: грустной делается моя Нинуля в иные-то часики. И вроде ни в чём я ей не отказываю. Если в гости к кому иду, с собой беру (может, конечно, не тот народец ей надобен – по магазинам бы ей прошвырнуться милей, но всё ж потрепаться, выпить есть с кем). Привык я к ней, даже мысленно стал примерять себя в законные мужья, да вот только, действительно, незадача – эта затуманенность Нины, тоска, понимаешь, какая-то нездоровая. А потом она как-то и скажи: «Степлится – уеду я, слышь. Надо мне кое-где понаведаться. Денег дашь?» – «И куда же? – интересуюсь. – Уж не по корешам ли своим стосковалась?» – «Да нет». – «Врешь, небось, девка. Не по наркоте ли соскучилась, обмираешь? Косячок забить захотелось?» Вспылила тут моя Нинуля, да уж больно резко, чтобы не вызвать у меня подозрение, что в точку я попал. Я сразу обратил внимание, что если она выпивает, так сразу по стакану, не так как мы с тобой – по малу – по малу, для разговора. «Что, – говорю, – надоел я тебе?» – «Я вернусь... – отвечает, уже успокоилась, – если ты не против».

«Вернётся, как же, – думаю. – Не отпускать?..» Ну что там у неё на уме? Поди, узнай.

«Скажи-ка, – пытливость проявляю уже позже, между прочим как бы, – может, у тебя где ребёнок остался? Я б не возражал, давай заберём». – И мысленно прокручиваю: дочь с внуками приедет летом, сын... (Бывшей жене дорога заказана.) «Ну да что ж, они взрослые, поймут...» – Хотя, конечно, уверенности не было в этом. Ну да почему я должен ущемлять свою собственную и родную жизнь?.. И тут, представь себе, как захохочет она, да дико так: «Ребёнок? Ха-ха! И был бы если, то куда – забирать? Сюда? В энти хоромы?! Кирпичный ты ж для дочки!..» – «Ладно, – говорю, – не гогочи, не дёргайся. Вольному воля... Будут деньжата, отстегну».

Про себя-то я решил – не решил, но как бы заартачился: шишь тебе с маслом! А без денег куда ты пойдёшь! Зима. А весной дела огородные начнутся, глядишь, и втянется. И опять про дочь и сына своих вспомнил... но отмахнулся: будет день, будет и пища.

А на Новый год нарядили мы с ней маленькую ёлочку, приготовили фаршированного гречкой и мочёными яблоками гуся (которого мне дали за рытьё колодца) и нормально,

в общем, встретили, хоть и без шампанского. Да кому оно нужно, поддельное? А гусь да с яблоками – плоха ль закуска под водочку?

А вот и рождество. Я думал-гадал, что подарить ей, так и не придумал, да, собственно, и денег не было. За колодец, помимо гуся, заплатить обещали позже. А деньги за дежурство уже проели-пропили.

Ну а после того неприятного разговора она вроде повеселела... Но всё же было заметно: варится в её головке думка, ну да в чьей голове нет мыслишек? Черпаки да ложки перестала ронять и то ладно. И всё же чутьё... чутьё мне подсказывало: ненадолго эта её смиренность. И держал ухо востро, и спал теперь, как говорят, вполглаза.

Фулюган поёрзал на табурете, потрогал пустую стопку, закурил. Я наполнил стопки...

– Не доглядел. На рождество, как сказано уже (на дворе минус тридцать три, печь натопили до красна, выпили, закусили, в кровати потешились, и заснул я в оба глаза. И снится мне: улыбается Нинуля, вот-вот расхохотаться готова, хохотушка. И – боль пронзает! Вскочил я – передо мной она, в руке нож, и лезвие в крови (а я голым спал – в такой-то жар), – опустил глаза – брызжет, булькает что-то красное из правого соска, и пузырится. Кхекнул, харкнул – кровь изо рта.

«Ты что, Нин, сделала? Ненормальная?!» – «А ты... ты... – говорит и задыхается как бы, и глаз не спускает с моей кровищи. – Ты что же это, и вправду решил, что купил меня с потрохами?! Как вещь, да?! – отшвыривает нож и – в дверь, уже одетая и с собранной сумкой.

«Так! – говорю я себе. – Тихо. Дёргаться не надо. Не надо...» – натянул кое-как ватные штаны, ноги в валенки сунул. Тельник через голову – раз, и рану зажал пятернёй. С трудом натянул телогрейку, шапку нахлобучил. Топор у косяка. Взял. Зачем? Бросил. В дверь. Собаки где? – Это всё мысли у меня скачут судорожные. – Лялька! – зову хриплым голосом, – Милка! Цыган! Где ж вы? Неужто уманула?.. – И маленькими шажочками с горы – к светящимся окнам соседушек. «Только бы с машиной кто...» Пока спускался с горы, пустил в штаны. «Ничё-ничё, это со страху меня пробрало... не нужно бояться. Если б она в левый бок засадила, то да, а правый ничё-о... Доберёмся...» Доплюхал-таки до Антошкина, а он, стервец, и открывать не хочет: «Кто?! – орёт. – Какого хрена!» Представляешь? «Открой! Это я. Помираю. Зарезали меня!» – «Катись ты к!.. Фулюган полуношный! Проваливай! Я не один». Я ему: «Да не шучу я. Открой!» Впустил-таки. Ввалился я, бухнулся на табурет, стянул с правого плеча телогрейку: «Перевяжи.» Он давай ещё пуще материться, но бинты искать стал, затем перевязывать. Но при этом всё бубнит: «Ты чего думаешь, я сейчас тебя повезу?! На кой ты мне сдался, всю машину устряпаешь. Да и не заводится она в мороз». Я его тогда прошу: «Ты к Гуливеру сходи, у него телефон, пусть Платову звонит – он ноне дежурит, скорую пришлёт». Тут ещё жена Антошкина выходит из комнаты, заспанная, растрёпанная, сволочь: «Ну и дружки у тебя! – шипит по-змеиному. – В ночь-за полночь не спросясь. Теперь я знаю, как ты тут без меня живёшь!» Антошкин ей: «Да что ты, не видишь – ранен человек!» – «А мне плевать! Кого другого, а этого давно пора убить. Кобелины паскудные. Убирайтесь оба!» Тогда Антошкин чуть ли не за шиворот меня к порогу: «Ну всё, завязал я тебя, айда теперь!» Я, было, упереться хотел, да сил никаких: «Куда я...» – «Да хоть на горы кудыкины! Пошли-и! – и всё тут. – К Гуливеру! – Вышли мы на крыльцо, стал Антошкин кричать: – Гуливер! Гуливер!» Я ему: «Да разве он отсюда услышит!» Он хватя меня за руку: «Идём!» А у меня, как нарочно, живот ещё прихватило, но куда деваться – поплёлся по снегу за Антошкиным. Тот постучал в дверь, а в ответ: «Да кому там делать нечего?!» И собаки, блин, с цепи чуть не срываются, захлёбываются лаем. «Слышь, Гуливер, открой! Надо позвонить, чтоб Платов „скорую“ выслал. Фулюгана зарезали». – «Да и хрен с ним! Надоел уже всем!» Представляешь? «Гуливер! – кричу уже я сам. – Запусти в дом, замерзаю. Погреться». – «Да пошёл ты ещё! – орёт Гуливер в ответ. – В дом его пусти! Лазарет отыскал! – Затем слышно, как он говорит по телефону, потом кричит нам: – Шуруйте на гору, сюда не смогут подъехать – замело. Проваливайте!» Вот так.

«Слышал?» – спрашивает у меня Антошкин. – «А я дойду?» – а меня и, правда, ноги не держат, не слушаются моих команд. – «А я тебя тащить, что ль, должен? Идём!» И никаких разговоров. Тогда я говорю: «Погоди,» – спускаю штаны и облегчаюсь прямо перед самым крыльцом Гуливера. – «Ты хотя бы отошёл!» – укоряет меня Антошкин, гад. «Не могу». И, в общем, тащимся мы через буерак, в гору, ветер, как всегда, в морду, известное дело. «Возьми меня хоть по руку», – говорю, – под левую». – «Щас! – шипит. – Разбежался! Шагай давай! Тащить его ещё! Всё рождество обос..!» Ладно, дошли, спрятались от ветра за летним вагончиком-магазином, ждём-с. «Слушай, – говорит Антошкин, – я пойду. Замерз капитально. Оденусь потеплее – вернусь.» – И скрылся в метели. Остался я один и думаю так: «А чего ждать?» – чувствую потому что, как силы уходят. Приедут ли? Надо идти. И поплёлся я, лицо левой рукой от снега закрываю, а правой прижимаю рану. Пока дорога шла по ровному, дышалось более-менее. Гора началась, я и присел. Губы высохли, жажда страшная. Нет, говорю себе, только не снег жевать. До станции как-нибудь доплюхаем. До города – не известно, а до станции – точно. Ещё раз три становился я на одно колено и отдыхал, стараясь носом дышать. На горе увидел свет фар несущейся встреч машины. Припал на колено, достал из кармана фонарик, мигнул – раз, другой, третий. Скрип тормозов. «Ты Пилюган?» – «Я.» – «Ну наконец-то, нашли. Забодал нас Платов – ищи да ищи. Где ты был, когда мимо пролетели?» – «А я почём знаю». И, короче, поехали. Только: «Тихо, тихо, – говорю, – не трясите.» – «Ужо терпи, ранитый, теперь не пропадёшь!»

Фулюган прикрыл глаза ладонью и так закончил:

- Во какие бывкают фортели, а ты говоришь.
- В милицию-то хоть заявил?
- А ну их всех!..

Чуть погода поплюхали мы к Однорукому.

– У Васи ноне гости, а это, – Фулюган останавливался, слюнявил палец и, как определяющий направление ветра моряк, подымал его кверху, – что-нибудь да значит.

Мне не особенно хотелось к Васе, но и сиднем сидеть тоже прискучило. Хворь меня вроде оставила, и хотя слегка пошатывало, но морозец бодрил, и на душе если и не было ещё полной благодати, однако и прежняя хмарь развеялась.

В передней половинке дома застали мы Эллу и Васиного друга Гришу, сам же инвалид за перегородкой дрых на топчане и похрапывал. Элла с готовностью извлекла из шкафчика очередную бутылку (под столом уже вздрагивало с перезвоном несколько пустых) и мы распили вчетвером... нет, впятером – Вася как-то своевременно проснулся и, сопя по-ежиному, протиснулся за стол безруким плечом. И уже вновь дружок Гриша откупоривал следующую, шевеля при этом аккуратненькими белёсыми усиками: «Отличная «Столичная», – озирая всех, как мне показалось, трезвыми глазками. И Элла, жгучая темпераментная хохлушка с несколько выпученными карими глазами, в чёрном свитере и чёрных же брючатах, уже начинала заводиться и приставать ко всем, кроме мужа, с недвусмысленными щипками за ляжки и другие места. И Вася тоже начинал распалтаться, нервничать, слегка гнусаво остепенять супругу обиженным голосом, на что та вдруг, яростно выпуча глаза, рывкнула:

– Заткнись, урод! Не то как врежу! Уж коль от тебя проку никакого, так другим не мешай. Молчи, знай! Вот скажу зятю – вмиг оформит!

А зятёк Вовка, между прочим, в крематории работает, приличные денежки получает, да – со слов Элочки – левые заказы выполняет. Бред? Наверно. Но за что купил, как говорится...

– А вот я как руку железную нацеплю да крюком тебя, крюком!.. Так Вовочке твоих золотых зубов и не достанется, только зря золу просеет!

– Тьфу!

Гриша тут поскорее поднял свой стопарик, чем и погасил распрю. Выпили. Меня повело, захотелось прилечь, закрыть глаза, и я стал усилием остатка мысли и воли соображать, как мне выбраться из-за стола. И видимо, очень долго я выбирался, потому что, в дверях оглянувшись, сумел рассмотреть спящего за столом Фулюгана и всхлипывающего Васю, сидящего в углу и пытавшегося при помощи двух стен подняться на ноги. В сенцах же мне померещился сперва шепоток, а затем вроде как различил двоих – Эллу с дружкой Гришей.

– Ну ты чего? – страстно шептала она.

– Да погоди, – отвечал он.

– Чего годить? Давай! – И быстро, повернувшись к нему спиной, наклонилась и спустила с себя брюки. – Помочь?

Я продвигался к своему домишке под щербатой луной, набирал в башмаки воды из луж и было мне всё равно. На перепутье троп попался мне Забралов Вадик, долго что-то мне рассказывал, а я изображал внимательного слушателя, пока он не хлопнул меня по плечу и пошагал по своему маршруту. Я провожал его взглядом до тех пор, пока он не растворился в темноте, после чего вспомнил о его принадлежности к медицине и крикнул:

– Принеси от гриппа таблеток, слышь!

В доме было тепло и я очень этому обрадовался. Тем не менее, я заставил себя заложить в тёплую печь дрова, чтобы с утра лишь чиркнуть спичкой...

Наутро, чиркнув спичкой, до полудня лежал на диване и слушал по радио всё подряд, то прибавляя громкость, то убавляя – в зависимости от перепадов в самочувствии. Завтракать не хотелось, хотелось... непонятно чего. Куда-нибудь мотануть, ну хотя бы в ту же Югославию, которую, как сообщало радио, продолжали крошить крылатыми ракетами.

В дверь постучали и я хрипло крикнул в надежде на появление Фулюгана:

– Да открыто!

В комнату просунулась круглая голова Водяного.

– Заходи, заходи скорей. Дверь закрывай – тепло уходит. – И мысленно: «Болван!»

Водяной потоптался у порога молча, целя пистолетом своего носа мне в лоб, наконец выдал:

– Опохмели.

– А ты уже где побывал? – спросил я, выдержав паузу, соображая: сжалиться, нет ли?

– У Трофимыча был – нету, у Фулюгана...

– Иди к Платовым, они шашлыки жарят.

– Откуда знаешь?

– Ну выходил же я на двор! – вскипел я неожиданно для самого себя. – Поверни нос в их сторону, сразу започуешь. Сегодня ж воскресенье.

И Водяной растворился, точно нырнул в прорубь. А я долго вздыхал, вспоминая перебитую мысль. Найдя волну с плавной музыкой, закрыл глаза и провалился в дрему.

Иду по тёмной улице, куда, не знаю. Подавлен чем-то, растерян. Снег мерцает под окнами, но мне жарко. Снимаю куртку, вешаю на забор, некоторое время стою в нерешительности, затем, повинувшись будто чужому внушению, перебегаю улицу и направляюсь вверх по переулку, сворачиваю налево... Вспоминаю про куртку и поворачиваю вновь налево вниз и выхожу на знакомую улицу. Забор на месте, куртки нет. Стараюсь что-то понять в себе и в окружающем, да не дают: кто-то окликает. Гляжу на девушку с распущенными роскошными волосами, но она проходит мимо, не удостоив меня вниманием. Окликнула, оказывается, другая, круглолицая, улыбающаяся и... наголо остриженная. Однако это обстоятельство никак не уменьшает её миловидности, напротив – обещает ещё большую привлекательность впоследствии, когда волосы отрастут. «Не узнаёшь?» Начинаю вроде припоминать. Внезапная вспышка радости толкает меня к ней, и я обнимаю её, отрываю от земли, кружу... Потом идём, разговари-

ваем. «Но ты ведь меня не узнал, – и надевает на стриженную головку вязанную шапочку. – Почему же ты меня обнял тогда, раз не узнал?» – «Я тебя узнал... сердцем». Она приглашает меня домой: «Ты замёрз. Где твоя куртка?»

Просыпаюсь с ощущением раздвоенности, но бодрым и поздоровевшим. Хочется прогуляться. С лёгкостью подымаюсь и выхожу из дома. На дороге сторонюсь, пропуская «жигулёнок», но скрипят тормоза, из распахнутой дверцы высовывается Вольдемар, художник.

– Садись! – зовёт он весело, и я влезая в машину, не успев сообразить, нужно мне это, хочется ли. За рулём Наум, его я знаю меньше, раза два помогал ему в снегопад и в гололёд выбраться из садов на основную дорогу. Оба раза приходилось самому садиться за руль, так как Наум, будучи с крутого похмелья, норовил заново прочно засесть. Сейчас он заметно нетрезв, но гонит, не разбирая кочек – поскорей добраться до магазина. Что ж, приходится и мне запустить руку в потаённый карман – ковырнуть заначку, которую уберёт от Водяного. У магазина выпиваем по стопке, закусываем мочёным яблоком и летим обратно. Наум завозит нас к себе на участок и, поскольку пригревает весеннее солнце, располагаемся в беседке. И хорошо нам всем, выпиваем по одной – по другой – по третьей, и – запеваем: «Хасбулат удало-ой, бедна сакля твоя, золотую казной я осыплю тебя...» Наум вдруг поднимается и, пошатываясь, метит к дому, на первой же ступеньке крыльца его слегка заносит и он юзом по стене плечом. Вольдемар спешает ему на помощь, но и он утратил координацию, нетвёрд в поступи, вдвоём они топчутся на месте и не могут никак пойти на приступ. Приходится мне брать под локоть Наума на буксир. Кое-как – здоровый мужик, огруз к тому же – одолеваем мы ступени и вваливаемся в дверь кухни.

– Ну вот, слава те Господи, – говорю, – иди теперь спать.

– Нет, – бормочет Наум, – садись, – неожиданно сильным давлением усаживает меня на табурет. Ого, думаю, каков медведь, а с виду не скажешь.

– Да нет, что ж сидеть-то, пойду, а ты поспал бы лучше.

– Сиди, говорю! – и руки его начинают оглаживать меня, точно женщину, и слюнявые губы тыкаются мне в щёку и шею. Рывком сбрасываю руки его с плеч своих, вскакиваю на ноги.

– Что-о! – глухо гудит, не то рычит он. – Куда? Брезгуешь? – и хватает уже с такой силой, что мне кажется – вот-вот вырвет из меня два куска мяса. Взвыв от боли, выворачиваюсь и справа бью его в челюсть. Отшатнувшись к столику, над которым висят черпак, разделочная доска и ещё что-то, он шарит рукой по этим кухонным предметам и уже замахивается чем-то острым. Бью на опережение уже в полную силу и выскакиваю на крыльцо. Несколько секунд на свету жду погони, но из кухни, дверь в которую захлопнулась пружиной, лишь звуки вращающейся на полу металлической посуды. Спускаюсь по ступенькам, обмываю кровь с кулака в бочке под водостоком, ошарашено отдуваюсь.

– Чё такое? – спрашивает Вольдемар.

В первый момент не могу говорить, лишь пожимаю плечами. Потом всё же говорю:

– Он случаем не голубой?

– Наум? Да ну ты что. Вряд ли.

– Тогда шиза выскочила. Лишнего перебрал, балбес.

Стоим, избегая почему-то смотреть друг на друга, затем Вольдемар говорит:

– Заберём водку? Второй пузырь едва почали.

– Пожалуй. Не ему же оставлять.

И мы идём на Вольдемарову дачу, где нас встречает симпатичная сучка Эльза – русский спаниель с вислыми бахромой ушами и умными тревожными глазами. С укоризной поскуливая, обнюхивает она хозяина и настороженно – меня. И вдруг, без предупреждения, хват меня за брючину, отскакивает и опять.

– Ух ты! – говорю. – Так, да? Ну, хорошо. Щас я тебе устрою... – и опускаюсь на четвереньки, да как гавкну. Да как зарычу по-тигринному. Бедная Эльза обмерла, потом метнулась в конуру и завизжала благим... в общем, завизжала испуганно.

– Ну и как? – спрашиваю Вольдемара, поднимаясь на ноги. Вольдемар не может ответить, потому что согнулся пополам, колики, что ли, от смеха начались? Эльза смущённо выбирается из будки, подходит сторожко и уже вежливо меня обнюхивает.

– Вот так-то, подруга. И неча нападать. Справки наведи прежде... вдруг бешенством страдаю. Поняла?

Эльза понятливо вертит хвостом.

– То то же.

Планировка дома меня впечатляет, я как-то проникаюсь уважением к художникам, что тут же сообщаю хозяину. Первый этаж – это просторная кухня с прихожей, а на ступеньку повыше сразу во весь нижний этаж гостиная с камином, большим круглым столом по центру, разнообразными резными украшениями по стенам. На втором этаже несколько спален с выходом на лоджию, туалет, подсобные каморки...

Кресла также удобны, а стол ломится от закусок.

– Не понял! Почему же мы у Наума в беседке?..

– День рождения жены вчера справляли, – поясняет Вольдемар, отрезая мне большущий кусок торта с шоколадным зефиром поверху. Мы выпиваем по стопке, закусываем солёным помидорчиком.

– Машина у тебя, – спрашиваю, – почему не в гараже?

– Да с тещей вчера поругался. Ключи забрала... надо ей под окна отогнать, пусть сама катается, раз это машина её-про-её. Я почему с Наумом и поехал.

– Н-м-да. Чудно... ну да шут с ним. У тебя не бывает так – хочется вот сорваться... хоть на войну.

– На войну? Нет. С тех пор, как мне поджелудочную желёзку вырезали, никуда уже не хочется. Да и не верю я ни в какую трескотню. Да чтоб я ещё был разменной монетой в их картах... нет, ни под каким соусом. Это юнцам мозги канифолят пусть. И вообще, у меня интересная особенность с организмом с некоторых пор. Вот, скажем, где-то там Боря с Биллом начинают делить пирог, ещё пешки не стреляют, ещё никому ничего не известно, что грядёт и о чём они там договариваются, а я... а во мне, в моём организме, в общем, начинает что-то тоже происходить. И чик, накануне буквально того мероприятия, которое они-с, политики-с, запланировали, на меня либо сон наваливается, либо я ни с того ни с сего вдрабадан пьян напиваюсь. Хочешь, верь, хочешь, нет. Просыпаюсь на утро (я уже когда заметил за собой такую особенность, стал с интересом новостей ожидать), и что? Какая-то да заварушка обязательно объявляется – разгон демонстрантов, война ли вам, пожалуйста... ждали? А я чувствовал. Вон теперь сербов топчут – перед этим я чуть в летаргию не впал. А дальше что, думаешь, будет? Что-нибудь наподобие. Наш правитель глазки закрыл на чужие выкрутасы, а ихний на что-нибудь ещё закроет. Нет? Об-чественное мнение, видишь ли... Нет?

– Тебе виднее, раз у тебя так организм настроен.

– Во-от. А то повесят мне звезду героя посмертно, компенсацию выплатят – на радость теще. Мне это нужно? Да на фиг! Так что не спеши, друг, и не радуй своих подруг.

Пока мы так философствовали, Эльза потихоньку прикончила мой кусок торта и теперь с виноватым видом сидела напротив меня и отводила глаза в сторону, пока я не заметил пропажи.

– О-о! – неподдельно удивился Вольдемар. – Эт-то откуда у тебя такая слабость? Эльза! Эльза тихонько заскулила.

– А ты её кормил?

– Я?

– Ну не я же.

– Похоже, нет. Да. Забыл про тебя, подружка, извини. Хочешь, стишок прочитаю? Я его, правда, не дословно запомнил, но он такой... можно и самому присочинить. Так что пособилай по мере таланта. Слушай. Рано-рано два барана растолкали великана и проблеяли яму: отчего да почему? И на это великан отвечал... – Вольдемар задумался.

– Не как баран, – продолжил я.

– Ага, ладно. Он содрал с баранов шкуры...

– Но явились тут дуры.

– Хм. И давай его смешить-распоте-ешивать. В результате этих дел... Спустил, короче, все денежки.

– ...он остался не у дел.

– Нормально. И пришли бараны вновь, пролилась баранья кровь. Что ещё прибавить тут?

– В общем, сделал им капут.

– Нет. Помню: нас в иные места зовут. Но и в тех местах бараны не боятся великанов...

Сия истина не новь. Оттого баранья кровь до сих пор сочится в почву и на этом ставим точку.

– Точ-ву?

– Да какая разница.

– Всё равно хорошо. Только это к чему?

– А ты не слыхал по телику? Президент распорядился наладить производство дешёвой водки и пива. И купить сие пойло смогут лишь те, кто предъявит декларацию с указанием доходов, не превышающих две тысячи рублей в год. А, каково?

– Не слыхал. Может, брехня?

– Всё может быть в нашем государстве.

Мы ещё посидели, выпили, поговорили, после чего пошли осматривать гараж, беседку, замечательный пейзаж, открывающийся с обрыва, а потом я отправился домой, потому что Вольдемар стал спотыкаться и его потянуло в сон – не иначе, как перед очередным мировым конфликтом или природным катаклизмом.

У дома врачей Платовых меня окликнул Фулюган.

– Эй, бич номер три, ты что ж, так мимо со слепу и прочешешь?

За забором вокруг дымящего мангала собрались всё знакомые мне персонажи: кроме Фулюгана, сами Платовы – хирург Виктор (он мне чем-то аристократа напоминает, в хорошем смысле слова, и лицом и манерами, чуть-чуть всегда как бы чем-то смущён, – возможно потому, что не пьёт) и его крепенькая, небольшого росточка жена Даша, с миловидным личиком и игривыми серыми глазами, гинеколог; Водяной, притулившийся на пенёчке и жадно уплетающий с шампура шашлык; и ещё Забралов Вадик, заехавший на своём служебном рафике за какой-то надобностью к Платовым.

– Выпьешь? – предложила Даша. – А то нас пьющих тут маловато. Наступление весны отмечаем.

– Так весна уж...

– Настоящее тепло, я имею ввиду...

И в этот момент над нашими головами разнеслось курлыкание: по небу в направлении синеющей гряды леса – там, где по моим сведениям, раскинулись болота – плыл журавлиный клин. Не успели обменяться мы впечатлениями, как с гагаканьем потянулись в ту же сторону гуси.

– Батюшки мои! – восхитился Фулюган. – Вот так та-ак! Все скопом! Сроду не видал такого. Это чтой-то слишком... не к морозам ли?

– Скорей, наоборот – к теплу, – не согласился Вадим. Виктор с Дарьей следили за гусями молча, я же смотрел на всех по очереди, и было мне отчего-то вольно-радостно, дышалось в полную грудь, со сладостью. Общее настроение не разделял один Водяной: открыв рот

и выпучив глаза, он перхал, точно подавившийся пёс, вдруг выронил шампур, схватился за горло и боком повалился на землю.

– Эу! – вырвалось у меня.

Первым подскочил Платов и, усадив Водяного, стал стучать ему по спине. Все остальные засуетились вокруг, подавая советы. И тут я увидел, что лицо Водяного начинает приобретать синюшный оттенок. Однажды в детстве я уже видел задушенного соседа по дому (соседом же) – у него было точно такое же...

– Спирт! – обернулся Платов к жене, и та стремглав унеслась в дом и через мгновение вернулась с бутылкой. Виктор уже выхватил из кармана складень, пружина выстрелила финским лезвием и Дарья протянула мужу смоченный спиртом носовой платок.

– Голову держи! – командует жене Виктор. – Руки! – Вадиму. – Ноги! – Фулюгану. – Я же остался без поручения, хотя пальцы моих обеих рук, готовые к действию, стали шевелиться. В это время Платов сделал у задыхающегося на горле надрез, раздвинул края ранки и дунул в неё. Что-то булькнуло в горле у Водяного и раздался лёгкий свист-шипение. Как Платов извлекал кусочек мяса я уже не смотрел, потому что на глаза мои набежали слёзы. И вот уже Водяной усажен вновь на пенёк, разинул рот и таращит глаза, ничего, очевидно, не соображая, а Дарья с Забраловым бинтуют ему шею.

– Ну чего, – спокойным голосом говорит Платов, споласкивая руки в блюде с водой, – вот тебе и пациент, Вадик. Так что не зря заехал. Запишешь себе ходку на законном основании.

– Да-да, – усмехается Забралов, не оборачиваясь, – сейчас и помчимся.

– Ты в реанимацию, на всякий случай, заедь прежде, – говорит Дарья, – всё ж ки он не дышал несколько минут, как там с мозгами...

– Завернё-ом.

И мы всем табором ведём Водяного к машине.

Просыпаюсь от того, что хлопнула дверь.

– И-е! – голос Фулюгана. – Лекарство принимать бушь? – и вытаскивает из-за пояса «Столичную».

– Лекарство? – я сажусь и не ощущаю в теле тяжести. Фулюган уже разливает по стаканам, улыбается.

– Ты чего? – спрашиваю.

– А помнишь, я говорил про Водяного?.. Умрёт не своей смертушкой.

– Но он же не помер. Или что?

– Во-от, остережение свыше! – Фулюган смотрит на меня так, словно ждёт одобрения за свою проницательность, но я отвожу глаза на сосны за окном, которые мы посадили с сыном, их нижние ветви отяжелели зимой от снега и теперь, давно обтаявшие, так и остались лежать на земле.

– Надо рядок-другой отпилить, – перехватывает мой взгляд Фулюган.

– Зачем?

– Чтоб ввысь тянулись быстрее. И чтоб жизнь обновлялась.

И вот уже с ножовкой в руках колдует он у первой сосны, а я стою поодаль и выражаю сомнение в целесообразности затеянного, но он не реагирует, что-то бормочет себе под нос.

– Ты чего там бурчишь?

– Колдую.

– Колдуешь?

– Да, – он тычет пальцем в одну ветвь, затем в другую, третью: – Это ты, это твой сын, а это, – и он принимается энергично пилить, – твоя жена! Вот увидишь, она в другой раз приедет и обязательно спросит: кто отпилит, пошто? И знаешь, что нужно тебе отвечать?

– Нет. Что?

– Скажешь так: я тут не один.

– Ну прям как пароль. Что же он обозначает?

Фулюган оттирает со лба пот:

– То и обозначает, чтоб отвязалась, нечистая сила! – И он, насупясь, переходит к другой сосне, затем к третьей, и, похоже, верит в то, что совершает не напрасную работу.

Меня вдруг осеняет догадка: ему не хочется оставаться в следующую зиму одному на участках – не страшно, но тоскливо. (А первый бич – Однорукий – давеча говорил, что на зиму переедет в город).

– Значит, сказать: «Я тут не один»?

– Что?

Ну что ж, ну что ж... Кто знает, как оно повернется?

А летом у Фулюгана появилась симпатичная узбечка с ребёнком в коляске. Кто такая? Ну да придёт – расскажет...

Картотека Пульсара

Вот втемяшилось вдруг в голову: так ли уж действительно правда, что *свято место пусто не бывает?*

Полагаю (теперь), быва-ат. (Могу даже назваться – для официоза, дабы не подумали: мистик или ещё кто из таковских. Антон Фёдрыч Благополучнов, доцент местного высшего заведения). Да ещё как бывает. Ну, занять-то его займут, место (пустое якобы), кто-нибудь да заполнит вакуум... Это уж как водится. И станет, однако, и не пусто вроде, да вот – всё же! – пустовато. У *кажного*, знать, свой колорит – и обличья и души... Речь, само собой, не о чьём-то кресле административном, и тем паче, не о троне золочёном... О духовно-душевном... Как в одной разбитной частушечке: «Ах, страдаю, я страдаю, ах, страдания мои!» Впрочем, в ней, в частушке энтой, как раз не о духовном страдании... Измышления ж мои, да: о насыщении духом благородства пространства возле себя. И чем больше это пространство, круг этот незримый, тем, сами понимаете... Одно пространство соприкоснётся с другим таким же, затем... Далее хотелось сказать: и наступит тогда, мол, полный коммунизм, настоящий то есть.

Сердишься иной раз и злишься, и злишься, и отлучением грозишь... хм, от своего круга. А чего злиться-то – сам, выходит так, не очень пригоден.

Вот ещё говорят: душа не умирает. А что? Вполне допускаю. Семь грамм, – всё темечко проклевали сим открытием научным... Всего семь? Мало это или много? По весу если. Или в данном конкретном случае вес как таковой не в счёт?

Леонид Павлович... Лёнид Палч – всё на первый слог налегаю... (мысленно если, про себя – или совсем тихохонько, шепотком: ну чтоб никто не услышал, а то вообще без церемоний – Лё, и всё, потому как обозначаю лишь, не для общественного пользования, а для себя самого, о нём вспомянувшего), о нём вот – неожиданно как-то – молвить занеможилось словечко... Может быть, даже скорее опять же себе самому сказать... *да* вот, разобраться, осмыслить утраченное...

Честно говоря, ей-ей, не помню, как я впервые очутился у него дома. Сумбур какой-то в голове – вы заметили... Как мы вообще познакомились (когда-нибудь всплывёт, конечно, на поверхность, память, она своенравная штукенция, непредсказуемая – раз и подкинет яркую картиночку. Вижу, например, его в электричке, из Москвы домой восвояси возвращается – из высотного дома, где *прозябал от и до* в редакции солидного журнала (так однажды определил он свою *повседневную* повседневность). Обычно он садился на двухместном сиденье у двери, у ног его притулились... притулялись... притулимшись... тьфу!.. лежали, короче, матерчатые сумки... хотя ведь и не лежали – он их прислонял к стеночке... с картонными папками на завязочках. Сам же он, сплетя ноги винтом (как вообще-то можно так закручивать – ведь это ж ноги, а не йёги?..), читал какую-нибудь рукопись, подчёркивал в ней что-нибудь, записывал на листке свои замечания для рецензии автору... Это – помимо официальной службы – была для него та самая лишняя копейка на двух своих внучек. «Добавочный кошт» – это более позднее его уточнение. А тогда мы ещё не были *представлены друг другу*, как церемониально выражаются.

А квартирка его запомнилась мне с картотеки... Ну да, ящика, напоминавшего собой панельный домик с плоской крышей, по правую руку от потёртого кресла, на спинке которого детской ручонкой выведено было *сиреневое* «Лё» (я так и не удосужился узнать – которая из внучек постаралась). Этажи этого дома достраивались по мере увеличения «жильцов» – окон-ящичков с *записульками*. За этим занятием я и застал Лё, впервые переступив его порог...

– Вот берём и-и-и... – И Лё пощёлкал ножницами, обкарнывая картонку по известному ему образу и подобию. – Затем нанизываем сию каракульку на шпоночку. Понятно? Чтоб не убежала, не растворилась в суете наших буден.

– Вы прям колдун, Лё Палч. Рецепт нового зелья не сочинили ещё?

– О, какие мы сказочники!.. Вот и ладушки. Наконец-то понятливый попался.

В следующий раз своего посещения я принёс ему несколько моточков узкополосной фольги.

– А это что – подкуп? Вы, молодой человек, забыли разве?! На дворе борьба с коррупцией, а он золото и серебро тащит без зазрения!.. Подставить меня решили? Под монастырь подвести!

– Именно, именно. Золотые полоски наклейте на *золотой век поэзии*, а серебряные – на *серебряный*.

– А эти? – Лё приоткрыв рот, будто беззаботный ребёнок, пальцем указал на рулончики других цветов.

– Ну, сами решайте, не маленькие, – кому там фиолетовый цвет подходит, кому лазурный...

Лё хлопнул в ладоши:

– Знаю, знаю! Знаю, кому что!

– Ну а я, когда вы окончательно погрязнете в *этой коррупции*, так и быть – донесу на вас, куда следует...

– Ха-ха-ха! – Засверкал Лё глазами и загримасничал, потирая при этом ладонь о ладонь, будто только что удачно кого-то обжулил или разыграл... Очевидно – меня.

– Ну-тесть, сударь, и что же вам для начала раздобыть из недр моего совершенно *несовершенного* литературоведения?

– А раздобудьте-ка мне «Повести Белкина!» – вскричал я шутливо, узнав наконец секрет: вовсе не рецепты снадобий для самолечения, как поначалу подумал я, в ящичках, находились, оказывается – записки литературного толка.

– О-о! – возликовал Лё. – Белкина? Иван Петровича? Пушкина решили вывести на чистейшую водицу? Поздравляю! Отменно, отменно придумано... Лучшего выбора не сыскать! Солидарен! – И Лё торжественно воздел кверху правую ладонь в знак приветствия. – Итак!.. – Не опуская правой, точно позабыв о ней, левой рукой он потянул за беленькую пуговку в своей чудно-чопорной картотеке. – Только имейте в виду!.. Всё доморощено, всё рощено именно тут, в этих терпеливых стенах, в этом потёрто-уютном кресле. Никакого, короче, официоза... Баловство своего рода. Понятно, мил человек?

– Пы-нятно, – трудно было не поддержать этакую игру в коверканье слов, отчего слова будто омывались чистой водой и приобретали прежний вкус и смысл.

– Та-ды приступим... Фокус-покус – вскричал наш любезный фокусник...

Но вдруг, замолчав, Лё уставился на шахматную доску:

– Н-нда-а, – произнёс с укором и некоторым разочарованием. – Спим-с? Не-е-ет, так не пойдет. В ожидание хода помолчу. – И внезапно – на взвнчивание тона чуть ли не до резко агрессивного взвизга: – Разложение русского человека зашло уже оч-чень далеко!..

Я вздрогнул ошеломлённо. И с подчёркнутой иронией-неудовольствием, и вообще... в ответ на звуковую *побудку* «фокусника», полюбопытствовал не без сарказма:

– Это что ж, у Белкина нарисовано? Из них, что ли, следует – *разложение*?

– А почему нет? Откуда столь самонадеянная ирония? Да, и в Капитанской дочке тоже есть все предпосылки... предошущение! Даже остережение!.. Да-а, не ворами Петра Великого всё начиналось... И это приговор частному будущему, тому, что теперь разворачивается на нашей с тобой улице, на нашем дворе... вот сейчас. Я говорю о России. Всё оказалось в полном дерме. Да, всё это предсказано в повестях Белкина. Коротко сказал. Не обессудь.

И Лё торжественно открывает изъятую из-под кресла книгу.

– И написал-то во-от каку малюсеньку книжицу. И назвал простенько: «Повести Белкина». И – провалился с этой своей книжицей-брошюркой. Вернее, с этой своей простотой. Денежек хотел срубить, да обанкротился. Не поимел никакого литературного успеха и признания. Пошёл даже гулять стишок по *свету высшему*: «И Пушкин нам наскучил, и Пушкин надоел». Вот что он в ответ получил от господ своих читателей. В ответ за своё первое прозаическое выступление. Между тем я считаю... тут никакого секрета нет... и я не оригинален. Написал он её быстро, да-с, но обдумывал пять лет... а скорее всего, и дольше. Книжка сия лично меня – шокирует. Потому как это есмь буквально приговор и буквально всему будущему русского народа. Точнее, конечно, сказать: не приговор – пророчество. И пророчество сие огласил человек тысяча восемьсот девяносто девятого года рождения. А сейчас, между прочим, какой?.. Читаю – чужое – предисловие.

«Первое обращение Пушкина к прозе было обдуманым шагом. Первым опытом в этой области предшествовали размышления о природе словесного искусства...»

О *природе* искусства! – слышали? Вот как глубоко копнул. Прежде чем выходить вот с такой тонюсенькой книжицей... после того, как им были написаны шесть или семь томов стихов. После того, как им был написан роман в стихах... – Лё ищет нужную страницу, читает: – «Но что сказать об наших писателях, которые почитая за низость...» Тэк-с, это пропускаем. – «Точность и краткость – вот первые достоинства прозы...»

Чтобы не быть голословным... Это ведь жуткая повестушечка! Разложение описано без всяческих западных ухищрений – пресловутого символизма с натурализмом-с! Бом-с. Сразу ни один критик не догадается. Куда там! Они же без метафор скучают. Что? Где?.. Да, вот.

Закладывает палец меж страниц и забывает про него.

– Вы-стр-рел!

Я роняю шахматного слона, которого вертел в пальцах, с испугом гляжу на окно, за которым ветер треплет ветви липы: ничего-то я не слышал. Никакого выстрела.

– Где в дуэльном кодексе это записано? А разуйте языньки свои, милсдари! Где речь идёт о жизни и смерти!? А там – они, они – персонажи! – там они чего делают-то?! Чего там Сильвио делает с этим графом заодно? И что граф делает с Сильвио – сговорились, что ли? Вы же помните текст наизусть. Или не помните? Там же ж жуть. Там же ж от морального... то бишь дуэльного кодекса ничего не осталось!

Это чёрт знает что, а не выстрел. Это детский сад. Нарушается не один раз, и по-малышовски как-то – а ведь святая святых! – дуэльный кодекс, от которого зависят жизни, не говоря уже об их чести и достоинстве. Это безобразие какое-то, полнейшее *бразило-озия*. Вот каково моральное состояние высшей аристократии. Воплощённой, тэк сказать, *в образе графа*...

«Тэк, – соображаю, несколько подавленный столь неожиданным выпадом Лё. – Похоже, я нарвался на полномасштабную лекцию. Даже – настоящее представление. Театр! И что теперь делать? А что если разбить её, эту лекцию, – в том смысле, что распределить по частям, чтоб не особо утомляться самому и не напрягать моих будущих читателей?.. Пять повестей у этого Белкина, так? Вот и пускай будет пять перерывчиков между ними. Вернуть, всунуть, сотворить паузу... Ну да, в промежутки – какие ни на есть воспоминания вставить... Впрочем, пауз не пять, а четыре. Ведь между пятью пунктами, если на трамвае ехать, сколько остановок – четыре? Стало быть, даже полегче будет... меньше воспоминаний – меньше усилий, меньше нагрузки на мозг...»

Однако на сей раз я не успеваю вернуть *лирическое отступление*: Лё, точно за руку малыша, тянет дальше... Придётся слушать без перерыва.

– Дальше. Пойдём.

И я невольно подаюсь вперёд, собираясь совершить предлагаемое движение...

– «Метель», следующая повесть. Так? Влюблённый в свою невесту. Кстати, молодой и, стал быть, полный сил человек. К тому ж, имеющий военное звание. Как он обращается со своей горячо любимой невестой? А он ещё не начинал с ней общей жизни... У-ужас!

Лё откидывается на спинку кресла и презрительным взглядом буквально вбуравливается в меня, так что я чуть не вздрагиваю в испуге: «Да я-то в чём виноват?!» – буквально чуть ли не зубами ухватил я своё сопротивленческое восклицание, чтоб не дать ему выскочить наружу.

– Ну! Никакой дисциплины, ни-ка-кой! У влюблённого молодца драгоценное, единственное во всей вселенной любимейшее существо – невеста, и венчание на носу... Какова ж должна быть общая линия поведения этого молодчика? – спрашиваю с пристрастием. И отвечаю. Ему следует действовать наверняка, не просто как-то обходиться этикетом предстоящей процедуры, тем более что он готовит тайное (!) венчание. Всё же – все действия – выражаются... да, выражается как? Ф-физически. Невесту от себя не отпускать ни на шаг! Быть при ней тайно? Да, и тайно? Скрываясь, может быть? Возможно, и скрываясь, возможно. Следовать за ней шпионом-сыщиком, не отпускать ни на шаг, быть к ней, что называется, привязанным верёвочкой, пуповиной будущего ребёнка! А он как себя ведёт? Мы знаем, мы все читали... А принцип *верняковости* – это один из важнейших принципов профессионализма. Он чего, того-с, шизик? Какой же он тогда-с военный! У нас, батюшка мой, что получается – полнейший бюрократический подход! Поверхностный, кондовый, косный – да! к сложнейшему понятию, такому как профессионализм.

Лё переходит на свистящий шёпот и, растопырив руки, подвигается ко мне из глубины своего кресла:

– Вот те раз! А? Покинул невесту, покинул! Перед самым венчаньем. Этот Владимир – двойной лопух. И Пушкин его, конечно, наказывает. За то, что повёл тот себя... мягко выражаясь, неаккуратно. Упустил невесту практически из-под венца! Чем за это следует наказать? Смертью! Пускай и на Бородинском поле. Для отвода глаз. И всегда, везде и всюду, дорогой, профессионал настроен (как пининини!) всерьёз, и рассчитывает на что?.. Н-не, не просто на плохой вариант, и не на худший даже, а всегда и только на абсолютно невозможный, даже в воображении не возможный. Практически – как читатель – я понимаю – он, этот несносный своей ветреностью Владимир, не мог предугадать, что разыграется страшная метель, какая в этих местах случается не чаще, нежели раз в тыщу лет. Однако у него должно было быть всё предусмотрено – самое форсможорное даже... Ладно, этого слова, по всей видимости, тогда не знали. Возьмём – наихудшее! Убийственное! Даже речуга должна была быть сочинена и отрепетирована, на случай если вдруг (! – как и бывает в страшных снах) возникнут, как снег в летний полдень, матушка её и батюшка её (невесты), техника падения на колени должна была быть отработана безупречно, без намёка на фальшь... Спектакль? Да, спектакль. Искусство!.. Короче, всё самое-самое плохое, что можно вообразить, должно было быть предусмотрено!.. А он? Он – обыкновенный балда. Да совсем не тот балда, который у Пушкина ж чёрта околпачил. А балда – бестолочь. Вот он кто таков!

Вопросы есть?

– Вопросы будут. Но позже. Вы, Лён Палч, прямо-таки тореадор – раз и быка за рога! Раз – и шпагой наскрозь. Дайте прежде похвалить вас, польстить. Дайте отдышаться хотя бы.

– А вы по лестнице уже пешком?.. Не прыгаете через три ступеньки? Жаль. Рановато сдали позиции... Как же вы с Беккетом справитесь? А Пруст?.. А Флобер?.. А этот, как его?.. Гамсун, что ли, там у вас ещё припрятан, жук вы эдакий? Я же сказал, не больше пяти штук брать... – и кивает на книги под моим локтем, набранные для прочтения. – Хорошо, тогда я продолжу?..

Звоню. Нет ответа. Набираю на другой день, через день – тот же результат.

Слабое предощущение, робкое такое предположение: «Помер ты, Лё, чо ли?» – помнилось кощунственной *догадкой*: мол, преувеличение есть ничто иное, как фактор нестабильности, – так что не мельтеши-де, братишка, не наводи тень на плетень... не каркай, словом. Ворона! Однако ж, непроизвольно-таки забеспокоился... Вот она и *нестабильность* тебе, незримая, но явственная заноза душевная...

Хотя, пожалуй, не очень и заболело... скорее, некая счетоводческая, канцелярская озабоченность *на всякий случай*... мысль-крыса, короче, завела возню в своих норах-катакомбах предсознания.

И всё же – помер ты, *чо ли?*.. Холодком отсыревшим так и повеяло... земляным и ещё пока не затхлым.

Названиваю теперь каждый божий день, если не запамяту в суете и дешёвой сутолоке... (да нет, уже не забывал.) Ни гугу.

Но дочь хотя бы, его ж кровиночка, могла взять трубку? Мне представился её опрятненький облик с принципиальным благостным личиком... Зять имеется (хоть и не всплывающий чётким снимком в памяти), внучки, наконец, трещётчики неугомонные, кобылки длинноногие... Что же это – совсем-совсем никого? Тишина... (воздержусь от *гробовой*...) Где ж ты, Палч? И ещё: Лё-онид, ау-у!

Потом как-то смирился... сник – не сник, а привык, похоже. К мысли. К обречённости.

Не так, знаете ли, много друзей осталось... И недоумение: никогда не беспокоился о другой какой связи, добавочной, – ни мобильной, ни компьютерной... А почему? – вопрос. Не подумал ни разу даже, что ниточка всего одна-единственная – этот допотопный его аппарат мышиноного цвета из периода ихтиозавров, с дырочками в диске – для набора номера в раскрутку.

И вдруг – прорезается голос, женский. Вздрогнул я – трубку даже отдёргнул от уха. Похоже, дочь... или внучка? Плохая слышимость! И так-то всегда, когда очень-очень нужно, непременно что-нибудь или кто-нибудь да мешает!.. Радиопомехи – волны позывные заблудились?! Погода норов показывает, грозой грозит?! Что там ещё? Происки хакеров забугорных?.. суются, понимаешь, не свои дела! Али свои устряпали?..

– Он тут уже больше не живёт, – скорее угадываю, чем разбираю-различаю.

Что за дурацкий эвфемизм! Не живёт! «Тут!» А где тогда? Что это значит, в самом деле?! Не живёт, видишь ли! Переехал? Куда? – скажи тогда. Конкретно! На старости лет сменил жильё!.. Или в тундру подался?! Черти! Юмористы плоские! Или квартиранты так-то шутят?.. Сдерживая раздражение через силу, допытываюсь...

– Умер Леонид Павлович.

Уточнили. Соблаговолили. Увещательным тоном. С превентивной укоризной на мою сквозящую несдержанность – через незримое, но шебуршащее помехами пространство.

Странно! – тем не менее, почувствовал облегчение... ощущение внутренней освобождённости? Будто меня принуждали? К чему? «От чего освободился-то я?» – уже сам на себя окрылся. Даже смущение взяло – где-то у кадыка шершавым комочком зацепилось. Удивился своему... этому... сентиментализму?.. ну не важно. Тут же, правда, сообразил: облегчение не от информации как таковой: человек-де помер и растворился в небытии, – от ясности ситуации стало проще: мнительности и лишним вариантам дан отбой, отлуп... Оказывается (и, выходит так), устал я от неопределённости, от звонков в оглохший эфир. А теперь всё *устаканилось*, туман рассеялся, превратился в капли росы на прояснившихся предметах-фактах... будто видимость стабильности наладилась. Но что это мне даёт?

А ничего... ничего-то не даёт. Ничегошеньки. Напротив, теперь не с кем и в шахматы сразаться. Впрочем, шахматы не главное. Главное – беседа-общение в процессе... Иногда ведь – и подолгу – ход делать забывали.

– Далее! – слышу я голос Лё. – Выморочная какая-то историйка – «Гробовщик». Впервые я прочитал эту повестушку в восемнадцать лет. И скажу вам откровеннейше: будучи ещё лопоухим, не поверил я, что это написано господином Пушкиным. Персонаж – мужик незаптейливый, попросту говоря, надрался с устатку, и увидел заполошный, невразумительный сон. В испуге проснулся и... И больше ничего существенного в повести и нету. Но прочитайте её повнимательнее ещё разок. И поглядите – опять же с точки зрения профессионализма, который ох как нужен русским людям... И как исполняет свои профессиональные обязанности гробовщик Прохор? Образцово!

Да, вот именно, я себе не поверил, я Пушкину не поверил, я не понял, зачем Пушкин написал этого Гробовщика, вот расстреляйте меня. Мне сорок лет понадобилось, чтобы... И вчитываясь в этот текст ещё и ещё, я размышляю теперь, скрежеща мозгами... не о всех повестях Белкина – нет-нет-нет! – Лё вскрикнул, как зарезанный поросёнок – ехидно, пронзительно, даже нагло как-то, и продолжил, уже-таки торжественно-трагедийно: – О гробовщике одном лишь. Я, чтобы знать, я своими гнилыми мозгами – вот столечко понимать... Из всех пяти повестей этого самого Белкина Гробовщик самая короткая... И самая загадочная, и трудная для восприятия-понимания. Гробовщик – пустяковейший случай. Вроде бы пустяковейший. Вроде как тьфу. Я прям не поверил. Вот читаешь если Пушкина – хоть стихи, хоть что другое – и впадаешь в полнейший самообман. Прекрасная, божественная проза. Верю, верю, что это Пушкин написал величайший из величайших. А вот Гробовщика ему кто-то подсунул. Не мог он написать такую пустейшую штучку. Через сорок пять лет...

(«В следующий раз, – подумал я, Благополучнов Антон Фёдорович – напоминаю, мимоходом подумал, мельком, не спуская глаз с рассказчика, – будет пятьдесят, что ли?»)

... – потихоньку-помаленьку, хотя и сейчас ещё не вполне, начал я постепенно *въезжать* (выражаясь по-современному) и верить, что это всё ж таки Пушкин. Только в плане общей концепции сборника я усвоил Гробовщика, не потому что я такой умный-разумный, нет-нет-нет... Гробовщика я начал усваивать лишь только именно в общем плане Пушкинской концепции. Только освоив цикл повестей целиком. И вот теперь я его принимаю. Но не настолько, чтобы... совсем успокоиться. Иногда проснёшься, рассматриваешь потолок и думаешь: а всё ж таки не он, язви тебя, нет! А потом снова-здорово: всё же Пушкин. Это он не просто так напечатал где-то отдельно (Лё приставил ладонь ко рту, точно делился секретом), а напечатал он Гробовщика в книжке, которая называется «Повести Белкина» – концептуально... не просто так... И вот сей факт, что он включил Гробовщика в перечень и под одну обложку, меня спасает от заикливания мозгов.

С саркастической гримасой Лё откинулся горбом – внешней стороной своего вопросительного знака-спины, – вдавившись в кресло, и завернул кверху небритый подбородок, вывернув его как бы через боковое движение.

И эта ещё патетически-актёрская манера – говорить то очень громко, то едва слышно – раздражала меня постоянно, так как слух мой также не детский уже. Ведь только я наклоняюсь к нему, как он вдруг мне в лицо – ринувшись навстречу – на верхотуре своего баса или дисканта, и выдаст очередной перл... И отпрянешь, вращая в гневе глазами... ей Богу, замечал за собой и такое.

Звонок. И, по-видимому, нежданно-неприятный, после чего Лё по-ребячьи насупился и долго молчал, кривя губы и заметно скрежеща шариками в голове, переживал; затем, резко отмахнувшись, холодно произнёс:

– Х-хо – хо. Отставили от места. Лишили общения с поразительно вумной девчушкой-чушкой.

- Чушкой?
- Это так – для рифмы. Чушечки вы чушечки – на пупе заглущечки.
- А почему? В смысле, отставили...
- А тебе нравятся мои гримасы?
- Ну-у...
- Вот. Поэтому. Как говорится: с кем бы мне попечалиться о моей бестолковости...
- А это про что?

Я знал: он до сих пор преподаёт шахматную теорию *младым гроссмейстерам*, стараясь по-прежнему и в свои семьдесят семь заработать на гостинцы внукам (это вместо рецензирования рукописей – о чём уже упоминалось *допреж*). И вот ему «отказали от места», лишили «кошты». Не в первый раз. Он забыл, но как-то я ему намекал: давить Пушкиным да Лермонтовым на шахматистов... не вполне логично, что ли: у них для этого есть школьные учебники, педагоги, которые, небось, поражены столь неординарными познаниями своих подопечных. А в какой ужас, должно быть, впадают родители от рассказов своих чад о том, какие гримасы строит *деда* Лёня и какие страшные делает при этом глаза... а паузы! – когда старик вдруг застывает в нелепой позе – открыв, например, рот и воздев к потолку свою корявую длань... Обезьянничает! В устах родительских *комедиант* – слово весьма бранное. Да и вообще на смутьяна похож..

И мне сделалось обидно за него. Ну да, взлохмаченный, взьерошенный, как воробей, не всегда франтовато облачённый... Но ведь азартный, вдохновенный... Но что могли понять в этом детишки, передразнивая *объект наблюдения* маменькам и папенькам...

Впрочем, родительский шок – от потешных возгласов старика по поводу литературных персонажей, от его мимики и восторженных всхлипов, не прошенных старческих слёз и прочих ужимок... да в непосредственно-наивной передаче-переложении школярят, неизбежно пересыпанное междометиями, типа – тах-тарарах, пых и паф, и подобающей жестикуляцией – вдруг этот шок родителей рассмешил меня.

– Что?

– Д-да-а, никак не срифмую... А вы по-прежнему излагаете свои теории о *Герое нашего времени* своим подшефным недорослям?

– Да-с, бесплатным приложением. А чего такого? Я ж понимаю о себе – дилетант, так что – да, бескорыстно... Иначе никто и не позарится.

– Да нет, ничего, в голову просто...

– Ну а как же, пионеры должны приобщаться... Сперва смехом-смехом, а после, может, и всерьёз кто сподобится вникнуть...

– Пионеры? А разве их не аннулировали до мелениума?

– Эх вы, молодой человек – молодой человек, отстали от жизни... А ещё читарь. Их уже давно и вновь... Как вы сказали – аннулировали? А теперь придумайте рифму – с обратный знаком...

– С обратным – то есть противоположным?

– Ну да, ну да. Какой у нас обратный плюсу знак?

– Восстановили... возродили...

– В рифму, я сказал, – и поспешно, стараясь, вероятно, опередить отгадку. – Точнее будет *мани-лировали*.

– Что ещё за словечко? Не знаю такого...

– Мани-мани! Не знаете, не слыхали? Странно. Ладно... Мани-пу-лировали – слишком длинно для рифмы, я вот потому и подсократил в серёдке. Что такое *пу*? Да ничего особенного... Пу-стяк. Значит, можно убрать.

– Всё равно не понял. При чём тут мани?

– Но мы ж говорили о бескорыстии и воздаянии. Денежки это – *мани* по-англицки.

– Тогда уж снівелировать.

– Аннулировать – снівелировать... н-да. Хорошо, перейдём от эквилибристики к... Мы! – и указательный палец вверх, – возведя их в ранг великих, постоянно забываем (! – опять палец в потолок), что Пэ не было и сорока, когда он... а эЛ так и ва-аще... так что... так что, по нашим нынешним меркам и представлениям, ежлив мужику нет сороковника, то его ва-аще не принимают в расчёт... пока не помрёшь, не забронзовеешь.

Лёнид и завсегда-то вклинивал без предупреждения этикие пассажи. При этом какая-нито ужимочка мимическая – обязательно присутствовала, *скрипуля* в голосе и затем ёмкая пауза – ну, дескать, дошло до тебя?..

– В принципе, не всё ли равно: английские корни у поэта аль чеченские... даже ближе получается по расстоянию...

Это он иллюстрирует книжку знакомой мне писательницы Марьям с Кавказа, где она причисляет Лермонтова с Толстым Львом к чеченскому народу. На что мой друг, литератор-критик-педагог заметил так: все малые дети хотят видеть своим кумиром взрослого дядю.

– Тут гораздо важнее, дружок, вот *чаво*: какой культурой (или культурами) был обласкан и запитан гений... Или я не прав?

Для себя я, доцент Благополучнов, давно отметил, что, по мнению Лё, вполне подхожу под детскую категорию слушателей, под чьё восприятие, собственно, и адаптированы его изыскания. Ну что ж, ну что ж...

– Трезвон телефона отвлёл нас от избранной темы... Однако пойдём дальше. Слушайте. Внимательно. Станционный смотритель.

И сокрушённо:

– Ну не знаю. Не надо бы!.. Потому как не люблю я подобных словечек. Но! Вынужден произнести: *гениальные* вещи. – И вскинул руку в пионерском салюте. – А вот эта вещь Пушкина ещё гениальнее. Я таких пустых фраз, повторяю, не терплю! Но опять же – позволю себе и скажу: «Станционный смотритель» ещё гениальнее, чем «Гробовщик». Вот это я знаю точно. Он, Гробовщик, конечно, пустоват в некотором смысле. Несмотря на то, что её написал Пушкин, из всех повестей Белкина она самая пустоватая. Вот моё мнение. И можете вывести меня на расстрел. Ах! Зато уж «Станционный...» – гениальная штукенция без всяких оговорок. И в ней ещё один конкретный, жестокий приговор в отношении нашего с вами будущего...

И Лё насмешливо взирает на меня в ожидании реакции. И не дождавшись:

– А где конкретнее всего он это предвидел? И в Выстреле про это нет, и в Метели нету, и в Гробовщике нет как нет. А в Станционном смотрителе – пожалте!.. Я могу сейчас на любой аудитории, любому академику сказать в лицо, о чём «Смотритель...», эта повесть – тонкая штучка. И о чём? – почему нет вопроса?.. Ну не знаю, у Лермонтова об этом нет вообще ничего. Чтобы так было... так выражено чётко мысль... ну, какая мысль-то?.. Подсказываю – о вреде... о вреде чего?.. Ха-ха-ха!.. Ну – понятна мысль? – о вреде, что ли, пьянства?.. Нет?.. Ха-ха-ха!

И смеётся Лё так, что не понять, насколько всерьёз он шутит...

– Что? Сотворим паузу? Отдохнём, как говорится, от столь ошеломляющего открытия происков закулисы забугорной? – Однако тут же, встрепенувшись:

– Не будем, впрочем, отвлекаться на постороннее... Так вот, наш Смотритель пьёт, пьёт и пьёт!.. Вместо того, чтобы... что? Ведь его Дунечку увезли (голосом юридивого) в Петербург. Один из принципов профессионализма – какой? Прове-ро-чный. И ты, сударь, проверь. За проверочкой... а?... пере-про-верочка. Ты понаблюдай сперва недельку-другую, прежде чем сыр-бор затевать: как живёт твоё самое дорогое существо – дочь твоя, несравненное чадо. Узнай, чем дышит, и – не исключено – уже стала женой гусара?.. Как она освоилась в этом жутком городе? А он бросается в пьянство. Ну! И как вам такое свинство?! Во-от, баба-мот.

Конечно же (!), с наступлением промышленной эры, когда весь мир уже зашагал железной поступью, от мужчин требуется прежде всего – чего-с?.. Никогда, ни при каких обстоятельствах – ни капли, если уж за дело берёшься...

И протяжный раскрепощённый вздох:

– Нонче на улице я поздравлял одного мужика, он в соседнем подъезде проживает. И хвалится он чем, знаете? Тем, что отец ему завещал – выпить цистерну водки... Кстати, сколько это литров?..

...мне подумалось: эти его рассуждения можно было бы использовать как замечания в рассказе, например, – с усмешечкой, так сказать, а не как фундаментальные выводы... тогда, может быть, и ничего... То есть – как намёк на толстые обстоятельства, а не как научную критику.

Дело-то ещё в чём: особенность Лё – слишком утилитарен он в своих измышлениях. Особенность такая вот у него отмечена мною с самого раннего знакомства...

И только я так-то вот подумал, как визави мой – с провидческой иронией:

– Тут, главное, не путать Литературу (нарисовал в воздухе здоровенную Л – то есть с заглавной буквы, не ошибиться никак, во весь размах руки) ... Да, не путать с презентациями книг «ба-альших» писателей... В сущности, вот мы с вами разве что приблизились всего-навсего к Литературе *большой*... всего-навсего... всего лишь настолько приблизились, насколько способны объять сие громадьё своим доморощенным пониманием, и как ещё далеки мы от неё родимой... мы ещё пока слепцы у ног слона! То хвост, то хобот под нашими руками, то ножища...

К слову. Когда мы предавались рассуждениям о наших великих, ушёл от нас автор «Сто дней одиночества». Что ещё в тот период времени происходило? (Это я тужусь привязать наше частное общение к планетарному времени-контенту.) Ах да, ещё на Украине очередная заварушка была сотворена. Ну, помните противостояние Донецких и Луганских с майдан—овцами? Ну, Крым ещё к России обратно вернулся... Ну и вот.

...Последний раз мы так и не сыграли... не сразились. Пришёл я, по обыкновению, после предварительного звонка: выходишь из дому и размеренным шагом ровно двадцать минут. Но к Лё уже нагрянула дочь. Энергичная такая. С озабоченным ликом... Да, личико гладенькое, лобик чистенький, милашка бы сказал... да глазки... не то чтобы бегающие, а какие-то неустойчивые, невнимательно мажущие по тебе желтком зрочка из синеватого белка, будто кисточкой влажной прохаживаясь... В фартуке поверх нарядного платяца, ножкой подрывивает нетерпеливо. Помывку папани решила устроить. Так в дверях и сообщила:

– ... Может, попозже придёте?

– Нет! – хрипло возразил Лё из комнаты. – Сперва сыграю! К тому же, у него всего три постоянных маршрута – один ко мне, второй через овраг в поле и третий на службишку. Службу минуем – выходной. В поле – заметёт, нынче-то ишь непогода. Остаётся – игра!

– Мы должны помыться, – терпеливо, не оборачиваясь, сказала дочь, при этом она глядела на меня, чересчур пристально, будто просила её поддержать. – Мне, в отличие от вас, на службу надо поспеть, понимаете?

Лё из комнаты упрямым ребёнком, уже канюча:

– Сперва!.. сыграем!.. в шахматы! Ванна после!! Подождёт ванна! – И внезапно командным, беспрекословным голосом: – Я что, не ясно выражаюсь?!

Дочь, упрямо поджав губы, переступила порог, принудив меня на шажок-другой попятиться, и прикрыла за собой дверь, отсекая отца с его *капризом* от себя и гостя, то бишь от меня.

– Он жаждет сыграть с вами, я знаю. Придёте попозже?

– Конечно, – ответил я покорно, но подумал, что вряд ли сегодня уже получится, помня, что отпрашивался дома на полтора-два часа: ввиду... ну не важно.

Не скрою, я слегка разобиделся: выморщил-выкроил время на одном *конце*, договорился на *другом*... а тут за пару десятков минут всё переиначилось-перенастроилось... Да-а вот, своё-то время все берегут, а к чужому пренебрежительны... Будто мне делать больше нечего, как мотаться туда-обратно попусту. Нет, в самом деле, жили б на одной площадке – зашёл-ушёл... Сама-то в соседнем доме обитает... А службу свою приплела, небось, из упрямства (какая там, к шутам, служба – поздний вечер на дворе), помельтешила бы на кухне пока, чайку заварила... А мне по этой мерзкой погоде, шапку на уши, ветёр ещё в рожу... В общем, этакие вреднючие мелкие мыслишки... Эх, Лёнид, Лёнид... А это к чему? Упрекаешь старика, что ли? В чём? В том, что не сумел настоять на своём, заставить дочь отступить, покориться?.. Сам мямля – сразу на попятные. А мог бы упереться – изобразить неотвратимую необходимость... Неотвратимость чего? Эко, фифочку такую не околпачишь... Глупо, глупо... ой, как всё глупо!

Лё выглядит порой воистину упрямым – даже натурально вопросительным знаком: прогнут в области таза вперёд (у него, похоже, что у матери моей было, – рак печени... но разговоров о болезнях он не признаёт, поэтому точно не знаю), спина же с седой головой на тонкой шее – глядится крючком. Да, вопросительным знаком – начертанным каллиграфическим почерком (с жирной капелькой в начале верхней загогулилки и, само собой, точкой – чуть ли не мячиком на завершении – внизу). А волосы на голове, всегда встопорщенные, при ярком из окна солнечном свете создают иллюзию исходящего пара из открытого котелка... И он стоял посередь комнаты таким вот вопросительным знаком – укором мне за нерешительность и покладистость...

Мы созваниваемся предварительно ещё и для того, чтобы Лё мог, рассчитав время, быть у двери к моему приходу. Добраться до неё – шесть минут ему надобны, он всё именно рассчитал. Подняться из кресла и – шарк-шарк подошвами, тук-тук, – обеими руками о две клюшки свои опираясь. До телефона добраться – четыре минуты необходимы. Он так и сказал: делаешь первый звонок и кладёшь трубку, затем второй – через четыре минуты. Ну, пять. «Пока отдышусь». Так я и делал, соблюдая неукоснительно (удобно, не правда ли) его инструкцию. Засёк, стрелка на часах шпок-шпок... и повторный звонок.

Правда, играл он не очень хорошо, потому, верно, и радовался каждой своей победе... Хотя был помощником у одного из чемпионов мира... по позиционной стратегии?.. не помню точно. Психология позиционной борьбы, кажется. Лё мне книжицу свою подарил, да я всё никак не удосужусь, успеется вроде... Мне было интересно с ним разговаривать, слушать его. По мере увлечённости он набирался, как шаман, такой энергетики, что выдавал *на гора* (шахтёрский термин – извините: преподаю сей предмет в институте) такой раскалённый уголёк, таких высот достигал... такие костры пылали на вершинах терриконов золы... Он сам говорил, что если слушатель его *заряжает или заражает своим вниманием*, он способен сгенерировать нечто невообразимое даже. «Я, – потешно бахвалился он, – творец устного жанра, экспромта... Помните Пушкинские *Ночи египетские*? Я начинаю пульсировать, излучать плазменный свет. – И сам над собой иронизировал тут же: – Витийствуешь? Витийствую. А пошто? Да так, смеха ради».

И в самом деле, он, разгоняя мысль свою, как бы начинал самым натуральным образом пульсировать (блики в очках его прыгали туда-сюда, туда-сюда – так он дёргал в азарте головой): жесты, мимика, вздохи-ахи, криканье, кряхтенье и пр. Я обзывал его Пульсаром. «Лё Палч, вы – пульсар», – говорил я ему. И он квохтал довольнёхонько.

А знал он, казалось, всю-то литературу на свете. Русскую, английскую, немецкую... Флобер, Гонкур, Стендаль, Камю, Гессе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.